

Денис Игнашов

MEMENTO FINIS

Демон Храма

18+

Денис Игнашов

Memento Finis: Демон Храма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44589325

SelfPub; 2019

Аннотация

Храм Соломона, альбигойцы, тамплиеры... Перед вами еще одна оригинальная версия загадочной истории ордена Храма. Впрочем, эта книга как раз о том, что не всегда полезно, а часто и смертельно опасно погружаться в тайны прошлого. Не боитесь? Тогда открываем и читаем детективный роман «Memento Finis: Демон Храма», в котором все ищут древнюю реликвию, а тень таинственного её хозяина влияет на события сквозь толщу веков. Всё смешалось и окружено загадками, настоящее живёт прошлым, а старая легенда определяет будущее.

Содержание

Пролог	4
Часть первая: Она и Он	17
Глава 1	17
Глава 2	44
Глава 3	63
Глава 4	85
Глава 5	101
Глава 6	124
Глава 7	141
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Пролог

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Н.Гумилёв «Память»

13 мая 1244 года, Лангедок

Продолжительные и опустошительные альбигойские войны, уничтожившие самобытное общество и культуру Лангедока, подошли к концу. Французская корона обрела невиданное ранее могущество единства; она, как сказочный северный нормандский зверь, проглотила южное провансальское солнце, и всему католическому миру показалось, что катарская ересь, ставящая под угрозу само существование Римской церкви, наконец уничтожена, и наступил долгожданный мир.

Но рыцарь никогда не знал, что такое мир, он родился и вырос на войне. Его дед сражался с крестоносцами Симона де Монфора под флагом непримиримого борца за независимость Юга графа де Фуа и пал на поле боя; его отец, верный клятве сюзерену, воевал с французскими королевскими войсками Людовика VIII и героически погиб, защищая свой родовой замок, – земли были отобраны в пользу француз-

ской короны. Воспитанный после гибели отца дальними родственниками, рыцарь был последним представителем своего древнего рода. Он не видел для себя иного пути, как взять в руки оружие и продолжить войну предков даже после того, как граф де Фуа одним из последних в Лангедоке был вынужден заключить мир с королём. В течение семи лет рыцарь вместе с другими окситанскими файдитами, лишёнными своих вотчин, сражался с французами, скрываясь в лесах и отдалённых замках Пиренейских гор, но пришло время, когда он остался один. Лангедок всё-таки покорился французской лилии, страна, которую он любил и для которой он жил, исчезла, став частью католической Франции. Значит, пришло время исчезнуть и ему. И он тронулся в путь, видя перед собой только одно – дорогу в неизвестность.

Проезжая через небольшой городок, на одном из постоянных дворов рыцарь встретил молодого ремесленника, который был знаком ему по годам, проведённым в замке своих далёких родственников. Парень был сыном кузнеца. Война обошлась с ним немилосердно, лишила очага и заставила скитаться. Рыцарь предложил парню стать его слугой, тот, не раздумывая, согласился. Рыцарь был рад, что встретил знакомого человека, и думал, что на него можно положиться в долгом путешествии, которое он собирался совершить... Не получилось.

Ночью слуга сбежал. Рыцарь проснулся в туманных сизых сумерках оттого, что сырое раннее утро пробило дрожью от

холода его тело до костей. Костёр давно погас, он даже не дымился. Рыцарь скинул с себя мокрый от росы плащ и встал, расправив затёкшие ноги. Первое, что он сделал, это попытался найти кошелёк, который он вечером положил под седло, служившее ему этой ночью изголовьем. Кошелек на месте не оказался. Слуга сбежал, прихватив с собой все деньги. Но разочарования не было. За долгие годы войны рыцарь привык ко всему. Он не раз сталкивался с ложью и предательством и слуг, и хозяев, и верных друзей, и самых близких людей. Это стало нормой и принципом выживания во время войны, надолго поселившейся в некогда свободном и цветущем крае. Было удивительно, что рыцарь так неосмотрительно доверился малознакомому человеку, которого он знал лишь по тем временам, когда в юношеском пылу он ещё считал, что верность, благородство и честь были не пустыми словами в Окситании. Да и что можно было ждать от озлобленного, голодного, ни во что не верящего простолюдина, потерявшего дом и семью и навсегда забывшего слово «служение». Он поступил так, как требовали от него правила выживания на войне, где право на добычу есть неотъемлемое право более смелого, хитрого и дерзкого. И потому разочарования у рыцаря не было, осталась унылая, глухая злость на свою, неведомо откуда взявшуюся, доверчивость, которую, как он полагал, давно в себе похоронил.

С восходом солнца рыцарь оседлал коня и тронулся в путь. Оставшись без средств, он тем не менее не боялся за

успех своего долгого путешествия. У него был меч, меч давал ему силу, а право сильного никто не мог отменить. Весь день он ехал по пустынной дороге, и за всё это время ему практически никто не встретился на пути. Лишь две чумазые оборванки, местные крестьянки, внезапно вынырнувшие из леса и увидевшие его, со страхом бросились обратно, бросив на дороге корзины с ягодами.

Наступал вечер. Выехав на опушку леса, рыцарь в стороне от дороги, около оврага, заметил двух коней и три человеческие фигуры. Он решил направиться к ним. Подъехав ближе, рыцарь увидел, что один человек недвижимо лежал на земле, нелепо растянувшись во весь рост, – он был мёртв; второй рыл яму, видимо, могилу для первого. Рядом с ними на камне сидел монах в серо-чёрном от дорожной пыли и грязи плаще с капюшоном. Лежащего на земле мёртвого с неестественно повёрнутой в сторону головой рыцарь сразу узнал. Это был его беглый слуга.

– Что тут произошло? — спросил рыцарь, приблизившись.

Монах неспешно поднялся с камня и повернулся лицом к рыцарю. Это был высокий сухой мужчина средних лет с короткими, чёрными, как смоль, волосами, аккуратно выбритой тонзурой и смуглым от южного загара лицом.

– Печальная случайность, сеньор, — ответил он, окинув рыцаря острым, оценивающим взглядом своих тёмно-карих глаз. — Несчастный вам знаком?

— Это мой слуга, — сказал рыцарь.

— Мне очень жаль, сеньор... Всё получилось случайно. Мы ехали через лес, — начал объяснять монах. — В деревне нам сказали, что так будет короче... Мы заблудились и долго плутали среди деревьев, пока не выбрались на дорогу. Здесь мы увидели этого человека и окликнули его. Не знаю, что произошло, но он нас испугался и бросился бежать. Там, — монах показал рукой в сторону оврага, — он споткнулся, упал в овраг и свернул себе шею. Он умер быстро... — Монах беспомощно развёл руками. — Мне очень жаль, сеньор, что всё так получилось.

— Собаке собачья смерть, — равнодушно сказал рыцарь и добавил: — Жаль, что не я его убил.

Монах с недоумением посмотрел на рыцаря:

— Вижу, этот парень был плохим слугой.

— Он обокрал меня этой ночью и сбежал... Кстати, ты не видел у него кожаный кошелёк с монетами?

Монах повернулся к своему спутнику, стоявшему рядом с телом. Одного его взгляда было достаточно, чтобы тот виновато склонил голову, достал из-за пазухи кошелёк и передал его монаху. Монах протянул кошелёк рыцарю:

— Сеньор, я хочу извиниться за своего слугу. Он будет наказан.

— Как тебя зовут, монах?

— Брат Целестин.

— Куда ты направляешься?

— Я еду в аббатство Сенанк, что близ Арля, у меня срочное дело к аббату.

— Ты случайно не доминиканец? — спросил рыцарь, разглядев белую рясу под чёрным дорожным плащом монаха.

— О нет, сеньор. Я цистерцианец... А вы с подозрением относитесь к доминиканцам? — открыто спросил монах.

— Да. — Рыцарь криво ухмыльнулся и без боязни, откровенно признался: — Они зажигают пламя инквизиции, а мне не нравится, когда людей сжигают на кострах.

Монах промолчал, опустив свой взгляд.

— Уже смеркается. Придётся здесь заночевать, — заметил через некоторое время он. — В деревне добрые прихожане мне предложили курицу, и мы со слугой хотели её сегодня пожарить после того, как завершим нашу скорбную работу... Не хотите ли присоединиться к нашей скромной трапезе?

Рыцарь с утра съел последний кусок хлеба с окороком, оставшийся у него из старых запасов, и был очень голоден.

— С удовольствием, — искренне ответил он и соскочил со своего коня.

Пока слуга продолжал рыть могилу, монах и рыцарь устроились на опушке леса около большого развесистого дуба. Они накормили коней и развели костёр. Монах вытащил из своей сумки курицу. Он быстро и ловко ощипал её, достал железный вертел и стал жарить птицу. Рыцарь сидел рядом, вдыхал такой желанный аромат жареного мяса и с жадностью наблюдал, как курица на вертеле постепенно покры-

вается тёмной хрустящей корочкой.

— Как зовут вас, сеньор? — спросил брат Целестин.

Рыцарь на минуту задумался:

— Зови меня барон П... — Рыцарь осёкся, не договорив.

— Просто барон П.

— Барон П.? — удивился монах.

— Да, именно так.

— Куда вы следуете?

— Еду в Каталонию.

— Я бывал в Каталонии, — как будто что-то вспоминая, пробормотал монах. — Благодатный край ...

Разговор прервал слуга монаха. Монах отвлёкся от курицы и косо посмотрел на него. Тот, пригнувшись и с опаской поглядывая на рыцаря, нерешительно приблизился к костру.

— Могила готова, — сказал он тихо, потупив свой взор.

Монах разочарованно вздохнул и поднялся:

— Надо отпеть заблудшего... Как его звали?

— Жак из Памье, — безучастно ответил рыцарь, не спуская глаз с курицы.

— Ну что ж, — уныло вздохнул монах, — так и напишем на кресте.

Обряд отпевания закончился быстро. Скоро брат Целестин вернулся и снял курицу с вертела. Уже совсем стемнело. Монах разделил курицу на три части, барону достался самый большой кусок с грудинкой, который он с удовольствием съел. Когда трапеза была закончена, слуга монаха молча-

ливо исчез в темноте и, завернувшись в плащ, уснул где-то в стороне. Барон и монах остались сидеть около костра. Порывшись в своей чудесной сумке, брат Целестин достал вино и два металлических кубка. Костёр и хорошее монастырское вино сделали своё дело. Спать уже не хотелось; тёмная ночь, тишина и играющий языками пламени огонь располагали к неспешной, откровенной беседе.

— Удивительно божественное провидение, — сказал монах, глядя на костёр. — Никто не знает, что ждёт его в будущем, и наступит ли вообще это будущее. Жак из Памье никак, наверное, не предполагал, что жизнь его сегодня закончится так быстро и нелепо.

— Он получил по заслугам. Я дал ему шанс начать новую жизнь в служении, но он им не воспользовался и был наказан, — хмуро ответил барон П., подбросив в костёр несколько сухих веток.

— Вам совсем не жаль этого человека? — спросил монах.

— Конечно, нет! — воскликнул рыцарь. — Мир есть зло, и жалости в нём нет места никому.

Монах с нескрываемым любопытством взглянул на рыцаря и сказал:

— И мир, и человек есть творения Божьи. Негоже так говорить. Причина зла — грехи человеческие.

Брат Целестин говорил тихо и отстранённо, в его голосе не было слышно ни осуждения, ни назидания, только одна безмятежная и смиренная грусть.

— Человек тут ни при чём, — решительно возразил барон П., — он живёт в злом мире и вынужден быть злым. Это погружённый в несовершенство мир делает его таким.

— Вы говорите как еретик-альбигоец, — осторожно заметил брат Целестин, и рыцарю вдруг в свете костра показалось на мгновение, что монах еле заметно усмехнулся, слегка скривив свои тонкие губы.

— Я говорю о том мире, в котором я живу. И этот мир есть скорее порождение дьявола, нежели творение Господа, — ответил рыцарь.

— Страшные слова вы говорите, барон.

— Может, сожжешь меня, монах, прямо в этом костре?! — гневно, в возбуждении глухой ярости, бросил рыцарь.

— Я не судья вам, — спокойно ответил брат Целестин и опустил глаза. — Но вижу, на вашем сердце лежит тяжёлый камень. Откройтесь мне и тем облегчите свои страдания... Вы файдит?

Барон совсем не пытался скрыть свою принадлежность к отвергнутому сословию лангедокских дворян-лишенцев, но всё-таки откровенно удивился проницательности монаха:

— Как ты догадался?

Брат Целестин пожал плечами:

— Ну, это очень просто. Почему барон, выговор которого явно выдаёт в нём жителя Лангедока, не хочет называть своего имени и почему он желает уехать из страны? Ответ напрашивается сам собой. Потому, что его земли теперь принад-

лежат другому, а его самого разыскивают королевские слуги.

— Да, это так, — печально подтвердил рыцарь. — И если я попаду в руки французов, меня ждёт долгая и мучительная смерть... И есть за что! — Барон громко рассмеялся, и в его смехе были слышны прорывавшиеся изнутри отчаяние и тоска. — Мой дед воевал и погиб на войне, мой отец воевал и погиб на войне, и я не мыслил для себя иной участи. Французы сполна заплатили за гибель моих родных и мои лишения. Очень многие из них нашли свою смерть от моего меча. — Для убедительности своих слов барон поправил лежащий рядом с ним клинок в ножнах. — Я убивал наёмников-рутьеров, рыцарей и даже монахов. — Барон выразительно посмотрел на брата Целестина. — Но сейчас я остался один. Все мои товарищи по оружию погибли, страны, за которую я воевал, больше не существует — а значит, моя война закончена. И меня, таким, каким я был раньше, теперь тоже не существует. Осталась одна пустота... — Рыцарь умолк на некоторое время и долго смотрел в потрескивающей тишине на пляски огня в костре, медленно пожирающего сухие ветки. — Я должен был умереть, как многие другие, но, видно, Бог меня хранил, ему было угодно, чтобы я остался в живых. Я что-то ещё не сделал в этой своей жизни...

Внимательно слушавший барона монах проговорил:

— Вам надо покаяться перед Богом за свои прегрешения и отречься от еретических мыслей.

— Монах, о каком Боге ты говоришь?! — в волнении вос-

кликнул барон. — Если о моём всеблагом и справедливом Боге, то он далеко отсюда, он не от мира сего, но он меня никогда не оставит, ведь главная его забота — спасение наших бедных душ, испорченных злым миром! А если ты говоришь о своём боге, царствующем в этом несправедливом и жестоком мире, то имя ему... дьявол, князь мира сего! И перед ним я склонять свою голову не намерен — я не из его послушного стада. Я его не боюсь, пусть лучше он боится меня, ибо он не сможет своей ложью меня запутать. Зло не есть отсутствие добра, оно самостоятельно, активно и могущественно. Зло так же реально в мире, как и добро. Проникая везде и утверждаясь в умах человеческих, оно хочет одного — власти над людьми, потому что оно хочет править в мире единовластно, через ложь добрых намерений творить зло, строить своё тёмное земное царство, потакая самым низменным нашим чувствам и желаниям. Для демонов зла человечество есть материал, глина, из которой они лепят своё прошлое, настоящее и будущее. И пока человечество, погружённое в ложь, остаётся этим безмолвным материалом, слепым орудием в руках зла, у него нет светлого будущего на земле. Дьявол предложил человеку удобные правила игры в жизнь, по которым конечной целью её является власть над миром, а самыми успешными орудиями её достижения будут ложь и предательство. Человек принял правила этой страшной игры, в которой ему никогда не победить, ибо в этой игре никогда нельзя обыграть её создателя, дьявола. Человек, увлёт-

шись этой страшной игрой, забыл, что первой его целью Бог полагал добро.

Брат Целестин изумлённо посмотрел на рыцаря, не в силах что-либо ответить. Барон заметил испуганное стеснение монаха, который с опаской поглядывал то на рыцаря, то на его меч, и, стараясь ободрить его, улыбнулся:

– Тебе нечего бояться, монах. Моя война закончена. Я начинаю новую жизнь и хочу посвятить её праведному делу... Я хочу тоже стать монахом, и потому решил вступить в ряды рыцарей Ордена Храма.

– Полагаю, ваше благородное намерение посвятить себя служению Богу можно только приветствовать, — тяжело вздохнув, кротко сказал монах. — Я уверен, вы измените своё мнение о мире...

– Пора спать, — нахмурившись, решительно оборвал его барон, словно пытаясь уже раз и навсегда закрыть тему разговора. Рыцарь лёг, положив свою голову на седло. Плотнo закутавшись в плащ, он скоро уснул. И судя по спокойной, почти детской улыбке, которая то и дело появлялась на его лице, сон его был тих и безмятежен. Брат Целестин ещё долго сидел у костра, подбрасывая в него сухие ветки, — он о чём-то раздумывал. Но дневная усталость в конце концов сломила и его силы, и он, устроившись на траве близ костра, закрыл свои тяжёлые веки.

Когда монах проснулся, барона уже не было. Наступило солнечное утро. Слуга возился около коней.

— Где барон? — спросил его брат Целестин.

— Уехал засветло, — ответил слуга, надевая на коня седло.

Монах протёр глаза и поднялся с земли, отряхнув свой плащ от кусочков земли и травы.

— До города далеко?

— Полдня пути.

Они быстро собрались в путь. Проезжая мимо могилы, монах остановил своего коня и грустно посмотрел на крест, наскоро изготовленный его слугой из молодой осины. На поперечной перекладине креста было коряво вырезано «Жак из Памье». Монах немного постоял, задумчиво разглядывая свежевскопанную землю с покосившимся крестом, и, оглянувшись, почти неслышно, видимо размышляя вслух, произнёс: «До встречи, мой Повелитель». Пришпорив коня, брат Целестин поскакал по дороге, догоняя ехавшего впереди слугу. На губах монаха играла странная улыбка.

Часть первая: Она и Он

Глава 1

13 июня 2003 года, Москва

Ночью я плохо спал, несколько раз просыпался, вертелся на кровати, пытаясь найти более удобное положение, и поправлял подушку. И каждый раз, когда я снова засыпал, вяло уткнувшись носом в подушку, мне снился новый сон. Беспокойство ночи порождало непонятную череду кратковременных и бурных сновидений. Я не мог запомнить ни одно из них, хотя и пытался это сделать всякий раз, проснувшись. Когда очередной мысленный толчок, раскидав бессмысленные картинки очередного сна, заставлял меня открыть глаза, я видел одно и то же — я видел тишину. Темнота, спрятавшаяся по углам комнаты, казалось, смотрела на меня и многозначительно молчала. Дёргался светлый тюль под слабым дуновением летнего ночного ветра. Тюль разрезал синий электрический свет ночного уличного фонаря на маленькие клеточки тени, которая постоянно меняла своё положение, свободно гуляя по комнате. Мне казалось, что сама тишина двигалась с помощью тени по моему жилищу. Каждое новое движение тюля, света, тени было завораживающе красиво. Ни один, даже самый слабый, звук не нарушал эту бесшумную

пляску ночи и торжество тишины.

В этот момент, находясь в полудрёме, я особо чувствовал своё одиночество. Но это было не беспокойство покинутости, а благородное чувство одинокой успокоенности, когда ты понимаешь, что находишься вне сиюминутной заброшенности в мир, ты один, и ты один на один с собой, таким, какой ты есть. Мир скрыт в ночи, и только кружащаяся в тени тишина становится фоном твоего одиночества.

Созерцая пляшущую клетчатую тень, я не замечал, как снова приходил сон. Глаза медленно закрывались, и мозг, который напрочь не хотел отдыхать, находил себе новую бестолковую игрушку. Мозг, вырываясь из-под власти разума, активно развлекался, создавая свободный мир необязательных связей и иллюзий. Лениво бодрствующий разум со стороны наблюдал за этой вакханалией образов, пытаясь найти возможные правила этой непонятной ему игры. Но мимолётные образы ночи слишком дорожили своей независимостью и весело разрушали все схемы и связи, которые разум пытался выстроить, заключив сон в рамки определённости и предсказуемости.

Я помнил отдельные яркие образы этой сумятицы сновидений. И среди них особое место в эту ночь принадлежало улыбке. Мягкая, непонятная, немного печальная улыбка абсолютно незнакомого лица врывалась в сон деталью, проплывала ненавязчивым фоном, касалась кончиками губ моего горячего лба, гася очередную напряженность во сне. Это

была особая улыбка, своей силой и яркостью подавляющая любой другой образ. Я чётко осознавал, что были лицо, нос, глаза у этой улыбки, но они всякий раз пропадали в необъяснимой мутности. Снова и снова всплывала та же самая картина сна. Улыбка тянула к себе, привлекала своим спокойствием, неповторимостью, своей всеобщей завершённостью и тотальностью представления. Казалось, именно улыбка управляла моими снами, определяла их особый смысл и череду сменявших друг друга впечатлений.

Когда в очередном наваждении сна, в которое я погрузился после краткого пробуждения, вновь появилась всемогущая улыбка, она вдруг стала медленно приближаться, пробуждая во мне необъяснимое чувство беспокойства. Мутное неопределённое лицо с неповторимой улыбкой становилось всё ближе и ближе к моему лицу. Лицо не имело никаких черт, граней, оно отдало всю свою силу недвижимой, завораживающей улыбке, которая медленно, но уверенно приближалась ко мне. И с этим приближением меня охватывало всё более глубокое, нервное чувство беспокойства. Когда это чувство вдруг приобрело формы ночного страха, я проснулся.

Уже наступило яркое июньское утро. Комната наполнилась солнечным светом и звуками. Я чувствовал себя разбитым, и мне это определённо не нравилось. У меня были большие планы на сегодняшний день, и я совсем не хотел, чтобы они были нарушены из-за беспокойной ночи, превратив-

шей отдых в процесс противостояния разума и впечатлений. С разбитой головой я вылез из кровати и медленно побрёл в ванную. Тянуло обратно под одеяло, этому странным образом способствовало яркое солнечное утро, разрушившее тишину ночи. Но часы уже показывали десять, и надо было приниматься за дела.

Я принял холодный душ, который на время выбил из меня дремоту, наскоро сварил и выпил крепкого чёрного кофе, вернулся в комнату. Смятая неубранная постель, стулья с разбросанной одеждой и большой письменный стол, заваленный книгами и исписанными листками бумаги. За книгами и черновиками я откопал свой старенький ноутбук и включил его.

Я сел на стул, подобрав ноги, и вяло уставился в светящийся жидкокристаллический экран компьютера. «Жаль, что я не курю», — пролетела какая-то шальная, непонятная мысль. «Да, если бы я курил, я мог бы еще минут пять посидеть на кухне, попускать в никуда струйки сигаретного дыма... Может быть меня посетила какая-нибудь светлая мысль... Но я не курю», — печально подытожил я. «А может, попробовать?» — Мысль оказалась навязчивой. Я бесцельно щёлкал мышкой, разглядывая клавиатуру. Окунувшись в безмятежное созерцание, я смотрел в расплывающуюся точку, размышляя о вреде и пользе курения.

Наконец я перенёс своё внимание на текст, чёрненькими буквами выползающий на экран компьютера, и как-то

особо остро осознал бессмысленность своих размышлений. «Бред!» — воскликнул я про себя, встал со стула и побрёл на кухню — снова пить кофе.

Две недели назад я взял на работе месячный отпуск для написания кандидатской диссертации. Три года я успешно совмещал учёбу в аспирантуре исторического факультета МГУ и работу в одной небольшой компании, занимавшейся оптовой продажей книг. Перспективы учёного-историка были для меня очень туманны, и, хотя я в своё время был не самым плохим студентом, и мне даже предлагали остаться работать на кафедре, полностью посвятить себя изучению и преподаванию истории я не мог. Продажа книг давала вполне приличный стабильный заработок, о чём можно было забыть, если посвятить себя науке. Научное поприще оставалось в наше бурное время достаточно неблагодарной в смысле заработка стезёй, и совсем немногие молодые преподаватели решались посвятить себя ему.

Тем не менее за три года аспирантуры у меня появился неплохой материал для диссертации. И чтобы логически завершить своё обучение в университете, я решил написать кандидатскую работу. Вначале мне понадобилось определённое усилие воли, чтобы решиться сесть за письменный стол и попытаться создать текст диссертации. Но первые две недели отпуска не прошли даром. Первая глава диссертации была практически готова, но не хватало последнего штриха. Силы интеллектуального штурма, предпринято-

го мною в последние две недели для написания «Особенностей ментальных представлений средневекового европейского торговца» — а именно так называлась первая глава диссертации, — были уже на исходе. Мне хотелось скинуть око-вы средневекового миропонимания, научному анализу которого я посвятил две недели, практически не вылезая из-за письменного стола, и переключить своё внимание на что-ни-будь другое.

В тот самый момент, когда я, после очередной чашки кофе, всё-таки смог выдавить из себя целую страницу текста, зазвонил телефон. Это был Сергей Верхов, мой старый знакомый и приятель, с которым мы учились в своё время на одном курсе.

– Привет, как дела? — бодро начал он.

– Привет, — устало бросил я. — Ты знаешь, я совсем не выспался.

– Ба... — весело протянул Сергей. — Неужели?

– Да нет, — как будто оправдываясь, пробормотал я. — Снилось всякое...

– И что же? Я думаю, это не секрет?

– Улыбка.

– Улыбка? Чья?

– Не знаю. Просто улыбка... Ты сонники не читаешь?

– Нет. Но думаю, это к выпивке. Просто уверен. И вообще, что бы тебе ни снилось, это всегда к выпивке, — смеясь, заметил Сергей.

- Да, жаль, что ты не читаешь сонников...
- Ты сегодня свободен? — перешёл к делу Сергей.
- Ну... Надо дописать первую главу.
- Скучно что-то в субботу. Может, пивка?
- С утра?
- Посмотри на часы. Уже два часа дня.

Я не слишком долго мычал в трубку, пытаюсь отнекиваться и объяснить, почему лучше подождать до вечера. Летний июньский день был действительно жарким, а работа с диссертацией что-то не ладилась. Именно поэтому я скоро сдался.

Сергей появился через час, весело позвякивая пакетами с пивом. Я был рад видеть этого лохматого здоровяка, который, громогласно объявив о своём приходе, буквально ввалился в мою маленькую прихожую, чуть не перевернув тумбочку с телефоном. Его появление означало освобождение от тягот научного творчества. По крайней мере, на сегодня.

С Сергеем я познакомился ещё на первом курсе исторического факультета МГУ. Уже на первых лекциях среди своих однокурсников я сразу выделил крупного, высокого жизнерадостного парня с копной густых волос на голове. Оптимизм, который он излучал, был необычайно заразителен. Вскоре мы познакомились. Сергей приехал в Москву из Белгорода, поступил в МГУ, до этого отслужив два года в армии. Для меня и большинства студентов-первокурсников, буквально вчера сдавших выпускной экзамен в школе, Сер-

гей был старшим товарищем, хотя нас и разделяли всего два года.

В плане сходства характеров нас практически ничего не связывало. Весельчак и балагур, Сергей в любой компании, иногда даже не по своей воле, становился центральной фигурой общения. Я, наоборот, всегда сторонился больших и шумных собраний, чувствуя себя на них не очень комфортно. Сергей был не самым прилежным студентом на курсе, он часто подрабатывал и особое внимание в программе уделял только тем предметам и курсам, которые казались ему интересными; и его усердия всегда хватало только на то, чтобы просто сдать сессию и перейти на следующий семестр. Я же старался не пропускать занятий, даже самых скучных и ненужных (особенно на первых курсах), ходить на все лекции и семинары, логично полагая, что это упростит сдачу зачётов и экзаменов. Конечно, мне было легче учиться. Живя с родителями, мне особо не приходилось задумываться о хлебе насущном до окончания университета. А курсе на пятом у меня появилась своя однокомнатная квартира, доставшаяся мне по наследству от бабушки. Сергей же был человек общаги, привычки и быт которой за долгие годы стали в нём неистребимы. Мы были абсолютно разными, но тем не менее нас что-то связывало. Я не могу сказать, что мы были закадычными друзьями, но всегда сохраняли добрые, приятельские отношения. Мне нравился лёгкий нрав, открытость и общительность Сергея, всё то, наверное, чего так недоста-

вало мне.

У Сергея всегда был большой круг интересных знакомств. После окончания университета Сергей перебрал большое количество всевозможных занятий, пытаясь закрепиться и обосноваться в Москве. Ему пришлось снимать квартиру, и он довольно часто менял свою съёмную жилплощадь, пытаясь найти что-то попроще и подешевле. Во время поиска нового места жительства он часто гостил у меня по несколько недель. Последние два месяца Сергей работал в одной из небольших московских газет под названием «Вечерний Город» – он вёл там рубрику происшествий, которые либо действительно имели место, либо происходили по воле буйной фантазии ведущего рубрики.

Разместившись на кухне, мы быстро опорожнили по одному бокалу пива. Сергей сиял как медный пятак, его глаза радостно блестели. Он медленно потянулся и крикнул:

– Жизнь налаживается.

Было видно, что Сергей готов сообщить какие-то хорошие новости.

– И чем можешь похвастаться?

– Мне предложили новую работу. — Сергей явно пытался заинтриговать меня.

– Давай, давай, рассказывай.

– Познакомился с очень интересным и важным человеком. Он предложил с ним поработать. Пока разовый проект, но перспективы отличные.

– И с чем связана работа? Ведь не секрет же, надеюсь.

– На телевидении собираются делать цикл передач, посвященных истории, и им в группу нужен специалист-историк в качестве менеджера и консультанта.

– А зарплата?

– Весьма приличная.

На мгновение я даже позавидовал Сергею. В наше время найти денежную работу практически по специальности было очень трудно.

– А с какой темой связана передача?

– Пока точно ничего не известно, но программа должна быть посвящена каким-нибудь неоднозначным, таинственным страницам истории... В общем-то, за поиск и разработку сюжетов я и должен буду отвечать. Так что, если есть идеи, можешь поделиться.

– Я подумаю обязательно. И кто же тот Дед Мороз, который преподнёс тебе такой подарок в начале лета?

Сергей на минуту замолчал, видимо, решая, стоит или не стоит раскрывать все карты. И во внутренней борьбе осторожности и желания похвалиться победило последнее.

– На прошлой неделе я случайно встретился на одной журналистской тусовке с самим Кубаревым. – Пафосное ударение было сделано на слове «самим». – Мы пообщались, а вчера вечером он позвонил мне и предложил работу в своём новом проекте, – со слабо скрываемой гордостью сообщил Сергей и испытующе посмотрел на меня, пытаясь опре-

делить, как я воспринял новость.

Мне не хотелось показаться в глазах друга абсолютным валенком, но я не знал, кто такой Кубарев и чем он так знаменит в телевизионных кругах. Можно было скромно показать головой и заметить со знанием дела, мол, кто же не знает «старика Кубарева», можно было бурно восхититься тому, что «сам» Кубарев отметил талант друга, но я выбрал самый честный и потому, наверное, самый неудачный вариант реакции на сообщение Сергея.

– А кто такой Кубарев? – спросил я.

После мгновения неловкого молчания последовала сцена сильного удивления, помноженного на чувство небольшой обиды. В итоге, после детального объяснения, оказалось, что Кубарев если не самый известный, то, по крайней мере, один из самых известных продюсеров с одного из центральных каналов, что он практически бог телевидения, что его ценят высокопоставленные политики, общественность и просто богатые люди.

– Аркадий Альбертович Кубарев – очень большая шишка на телевидении, — важно заметил Сергей, помахивая своим указательным пальцем перед моим лицом. — И было бы очень глупо упускать такой шанс.

Я согласился, покачав утвердительно головой. Хотя я и не подозревал о возможностях неизвестного мне Аркадия Альбертовича, я искренне пожелал, чтобы надежды Сергея не были обмануты.

Так, обсуждая перспективы Сергея на новой работе и медленно потягивая пиво, мы не заметили, как наступил вечер.

Где-то ближе к семи, когда пакет с живительным эликсиром уже опустел, а под столом выстроился ряд пустых бутылок, Сергей, недолго подумав, объявил:

– Давай одевайся, нам пора.

– Куда? — удивился я.

– Я забыл тебя предупредить, нас сегодня ждут в одном гостеприимном месте.

– Но я не планировал... И вообще...

– Возражения не принимаются. Нас ждут, ты же не хочешь, чтобы я обманул наших друзей.

– Но ты можешь хоть объяснить, куда и зачем мы должны ехать. — Осовевший от пива, я ещё пытался сопротивляться.

– У Светки Тороповой сегодня день рождения, и она нас пригласила к себе на тихий, практически семейный, праздник.

Света Торопова была старой знакомой Сергея, у которой с повесой Верховым были когда-то в незапамятные времена романтические отношения. Несмотря на то, что все страсти между ними остыли уже очень давно, они сохранили приятельские отношения и часто общались. Честно говоря, меня не особо прельщала перспектива в субботний вечер ехать на другой конец города к старой подружке Сергея на день рождения. Я вообще всегда был весьма тяжёл на подъём в отличие от Верхова.

— Но нужен подарок... — неуверенно начал я.

— Мы сами как подарок, — отрезал Сергей.

— Но хоть цветы-то купить надо.

— Цветы купим по дороге. Ну что ты сидишь? Давай живей, нас уже заждались!

Через пять минут мы уже стояли на улице и ловили машину.

Света Торопова жила в Тушино. От Беляево, где была моя квартира, до Светкиного дома вечером в субботу было ехать минут сорок, но талантливый шофёр, который нас подвозил, еле уложился в час. В итоге мы были на месте только в девятом часу. Вдобавок у Сергея, как и следовало ожидать, не оказалось с собой денег, так что такси и цветы были отнесены на мой счёт.

Двери открыла сама виновница торжества. Она весело защебетала и расцеловала нас. Почему-то мне она была особенно рада.

— Русланчик, как я рада тебя видеть! — воскликнула она, схватила за руку и потащила в комнату знакомить с теми своими друзьями и подругами, которых я ещё не знал.

— Это мой хороший друг Руслан Кондратьев, он историк и продаёт книги, — важно представляла меня Света, отдельно подводя к каждому новому лицу.

Света любила шумные пёстрые общества. В гостиной её двухкомнатной квартиры было не протолкнуться от много-

численных гостей. Тут были её сослуживцы, составлявшие отдельную компанию в количестве пяти-шести человек и активно потреблявшие бутерброды. Присутствовал независимый стилист с манерами, присущими данной профессии. Отдельно особняком о чём-то очень важном ворковали две её старые подружки, одна из которых, была, кажется, парикмахером, а вторая секретарём в какой-то крупной строительной фирме. Кроме них, на дне рождения, как и подобало, присутствовал очередной Светкин жених. Высокий, мускулистый парень с короткой стрижкой молчаливо стоял где-то в углу и периодически с опаской поглядывал на стилиста, как будто ожидал какого-то подвоха от человека с такой кричащей профессией. Своего парня Света представила как Владимира, не указывая род его занятий. На диванчике с бокалом красного вина скромненько примостился мой старый знакомый и университетский приятель Верхова Женя Мойдодыр. Он с серьёзным видом пытался вести заумные беседы с девушкой, как принято говорить, фотомодельной внешности. Девушка глупо улыбалась, заученно показывая ряд белоснежных зубов, кивала невпопад головой и постоянно окидывала взглядом помещение в поисках более достойного её внимания человека. Женя Мойдодыр долгое время учился на экономическом факультете МГУ, так и не закончив его, своё прозвище получил за патологическую любовь к купанию в ванной, где он с книгой в руках мог проводить несколько часов. Кроме перечисленных людей в комна-

те присутствовали ещё несколько персонажей, род занятий и имена которых я так и не успел запомнить. Я покрутился по комнате, налил бокал вина, обменялся парой дежурных фраз с теми, кого видел, по крайней мере, не первый раз, и отправился на кухню, чтобы взять себе пару бутербродов, которые в комнате предусмотрительно уничтожили Светкины коллеги по работе.

Кухня тоже не пустовала. Около окна стояли парень и девушка, которые о чём-то беседовали. Я поздоровался и сразу направился к столу, на котором стояли тарелки с бутербродами. Набирая всевозможное съестное, я краем глаза наблюдал за ними. Парень, высокий длинноволосый блондин, уверенный в себе красавчик, с обаятельной улыбкой рассказывал рассеянno слушающей его девушке о каком-то своём знакомом, недавно побывавшем в Лондоне с целью шопинг-набега в местные универмаги. Я не знаю почему, но меня заинтересовала эта пара, особенно девушка. Я сразу обратил внимание на её большие, выделенные высокими дугами бровей голубые глаза, которые в редком сочетании с длинными тёмными, почти чёрными, волосами создавали поразительно притягательный образ. Небольшой рост, аккуратная красивая фигура, которую не могли скрыть неброский свитер и синие джинсы. В целом, наверное, ничего особенного, но большие голубые глаза брюнетки не отпускали меня. Они казались чудом природы на фоне растиражированной стандартности человеческой привлекательности, которую олице-

творял собой самоуверенный блондин.

Я долго копошился у кухонного стола, но когда, наконец, парень стал бросать на меня встревоженные взгляды, я благоразумно решил переместиться в комнату. Там веселье было в самом разгаре. Кто-то неудачно опрокинул на пол бокал с шампанским, и теперь добрая половина гостей ползала по полу, собирая разлетевшиеся осколки. В стороне, в окружении парикмахерши и секретарши, я нашёл Сергея и отозвал его в сторону.

— Высокий блондин и голубоглазая брюнетка. Не знаешь, кто они?

— Такой красавец, весь из себя, несостоявшаяся звезда мужского стриптиза?

— Похоже.

— Это Арнольд, Светка зовёт его Арноша. Милый парень, но очень самовлюблённый. Это его немного портит.

— А девушка?

— Карина Станкевич? Троюродная сестра Светки. Не правда ли, странное имя для девушки с голубыми глазами?

— Послушай, а они...

— Боже упаси, они только сейчас познакомились. — Сергей заговорщически улыбнулся и хлопнул меня по плечу. — Так что можешь дерзать, братишка.

Вечеринка была в разгаре. Уже включили музыку, и смелые гости стали весело отплясывать, кто как умел, на горе чувствительным соседям. Я слонялся из угла в угол, наливал

очередной бокал вина и выпивал его за здоровье и процветание новорождённой, чокаясь с очередным участником торжества. Всё это время я смотрел по сторонам, пытаюсь встретить завораживающий взгляд голубых глаз. Когда объём выпитого за Светку спиртного стал подбираться к критической планке, я решил немного передохнуть и выбрался на балкон.

На балконе стояла Карина. Она была одна. Обхватив себя за плечи, она стояла у перил и задумчиво смотрела куда-то прямо перед собой. Надо было что-то сказать, и я нелепо выдохнул:

– Сегодня звёзды особенно яркие.

Карина повернулась, удивлённо посмотрела сначала на меня, а потом наверх:

– Точнее сказать, одна звезда.

Только теперь я обратил внимание на затянутое тучей ночное небо, на котором тускло мерцала одинокая Полярная звезда. Я рассмеялся, Карина тоже улыбнулась.

– Меня зовут Руслан.

– Карина. — Девушка изучала меня заинтересованным взглядом своих больших голубых глаз.

– А я вот решил подышать воздухом... — неуверенно пробормотал я. — А где ваш приятель?

– Арнольд? — Карина кивнула по направлению окна в комнату. Арнольд сидел на диване на месте бедного Мойдодыра и весело щебетал о чём-то с фотомodelью. И было отчётливо видно, что девушка им заинтересована.

— Они нашли друг друга, — улыбнувшись, заметила Карина.

— Вы сестра Светы? — спросил я.

— Троюродная.

— Я давно знаком со Светой, а вас никогда не видел.

— Мы не часто раньше общались. Теперь встречаемся гораздо чаще. А ты, наверное... Ничего, если мы будем на «ты», а то как-то неудобно? Ты, наверное, друг Сергея Верховова?

— Да.

— Света рассказывала о тебе.

— Надеюсь, ничего плохого?

Карина рассмеялась:

— Нет, только хорошее, как ни странно.

— Позволь тебе сказать сразу, что я намного лучше, чем обо мне рассказывают.

— Я верю, — вполне серьёзно сказала Карина, глядя мне в глаза.

Первоначальная неловкость быстро прошла. Мы разговорились. Я узнал, что Карина студентка четвёртого курса филологического факультета, прекрасно знает немецкий язык и интересуется «пражской школой» в истории литературы начала двадцатого века. Я также узнал, что она особо любит творчество Густава Майринка, а из цветов предпочитает ирисы. Несмотря на разные интересы, мы были людьми одного круга общения. И потому с Кариной было легко. Не

приходилось притворяться, пытаюсь говорить о вещах, которые не знаешь или которые тебе не интересны. Можно было быть естественным и не бояться говорить на абсолютно разные темы. Карина прекрасно понимала меня, и я с интересом слушал то, что она говорила. Меня часто раздражали в девушках как банальность, так и излишняя манерность. Этого не было в Карине, она была простой и утончённой в одно и то же время. Слушая её, я наблюдал, как она говорит, как улыбается, как поправляет волосы, как наклоняет голову. И я ловил себя на мысли, что не мог найти в Карине ни одной мелочи, которая бы мне не понравилась.

Мы не заметили, как гости стали потихоньку расходиться. В проёме балконной двери появился весёлый, румяный Сергей. В руках он держал бутылку пива.

– Ребята, лавочка закрывается. Может, перебазировемся куда-нибудь ещё? У меня грустное состояние недопоя.

Карина быстро посмотрела на часы:

– Ой, уже полпервого. Мне давно пора домой.

– Брось, Карина, ведь ещё детское время. Да вон и Руслан, вижу, хотел бы прогуляться, — не унимался Сергей и, улыбаясь, поглядывал на меня.

Наконец, я собрался с духом и спросил Карину:

– Можно я провожу тебя?

Карина на мгновение задумалась, ещё раз оценив меня своими небесного цвета глазами, а потом коротко ответила:

– Да.

Светка и оставшиеся немногочисленные гости переместились на кухню. Прощаясь с нами, хозяйка бросила понимающий взгляд на Карину и мило расцеловала меня в обе щеки.

Вместе с нами на улицу вышел и Сергей.

— А Светка похорошела... — задумчиво бросил он и печально добавил: — А мужики у неё все какие-то однотипные — гора мускулов и три класса образования. В этом плане она могла бы совершенствоваться.

Мы с Кариной благоразумно промолчали.

Втроём мы добрались до метро и одними из последних пассажиров спустились в подземку. В пустом вагоне мы с Кариной оживлённо беседовали, не обращая внимания на шум. Темы находились сами собой. Оказалось, у меня с Кариной было много общего, и всё это хотелось обсудить. Мы читали одни и те же книги, смотрели одно и то же кино. Возможно, мне это просто казалось, или я был пьян, но я был увлечён. Мне нравилось, что и как она говорила, мне нравилось, как она смотрела, мне нравилось, как она двигалась. Мне всё в ней нравилось, и это меня... беспокоило. Слишком неожиданно и быстро Карина вошла в мою жизнь. Я понимал, что завтра мне захочется её увидеть вновь, и я буду думать о ней. Неужели мимолетная встреча и яркий образ, который, скорее всего, является лишь плодом моего воображения, могут так серьёзно повлиять на меня? Возможно, я видел в Карине только то, что я хотел в ней видеть, то, что нужно мне было сейчас. И я это понимал каким-то отдалённым холодным

разумом, но чувство увлечённости тем не менее только усиливалось. Возможно, завтра будет всё иначе, но сильный и притягательный образ останется, и он будет требовать новых подтверждений или опровержений. И я прекрасно осознал, что с этим чувством мне придётся жить какое-то время.

Всегда весёлый и жизнерадостный Сергей на этот раз молчаливо наблюдал за нашим увлечённым разговором. Грустно улыбаясь, он смотрел на нас, иногда кивая, когда я или Карина вдруг обращались к нему за подтверждением сказанного. Лишь однажды он прервал нас, когда мы подъезжали к станции «Пушкинская», коротко бросив:

– Пора выходить.

Выйдя из метро, мы остановились около памятника Пушкину. Сергей, немного потоптавшись на месте, наскоро с нами попрощался. Он уже успел позвонить своим знакомым журналистам-полуночникам, и те позвали его в некий модный, популярный клуб, пообещав кучу впечатлений. Махнув ещё раз на прощание рукой, Сергей бросился ловить машину.

Карина жила недалеко от «Пушкинской», в переулке рядом с Каретным рядом. Как-то вдруг, внезапно оставшись вдвоём, мы замолчали, потеряв третьего незаинтересованного слушателя, и тихо шли безмолвно.

На бульваре было темно и пустынно, тускло горели фонари. Иногда пролетали мимо автомобили, освещая ярким светом фар улицу, здания, деревья. Карина прижалась ко мне и

взяла за руку. Мы молчали и не спеша шли по бульвару в сторону Петровки. Было как-то по-особому спокойно и хорошо. Тихий летний вечер, волнующее молчание и милая девушка, мягко держащая тебя за руку. Всё это казалось мне и торжественным, и естественным одновременно.

Карина первой нарушила молчание.

– Пасмурно, — тихо сказала она.

– Да-а, — неловко и протяжно согласился я, немного смущаясь, сам не зная чего. — Может пойти дождь, а у нас нет зонтов.

– А я люблю летний дождь. Он делает город совсем другим... — сказала Карина и потом, немного помолчав, вдруг спросила: – Ты видишь сны?

– Да, часто.

– И что ты видишь во сне?

– Очень многое. Иногда мне кажется, что я проживаю параллельную жизнь во сне, и эта жизнь так наполнена странными смыслами и знаками, что эта насыщенность меня и пугает.

– В этом нет ничего странного. Твои переживания просто играют, потеряв на время контроль. Я, например, обожаю сны. Даже страшные. Сон – это попытка стать свободным. Жаль, что практически всегда она обречена на неуспех... А что тебе снилось в последний раз?

Удивительным образом Карина затронула тему, которая меня действительно волновала, и именно сегодня. Я вспом-

нил ту неповторимо-печальную, волнующую и одновременно пугающую улыбку, которая приснилась мне прошлой ночью. Я ещё раз вспомнил этот сон и попытался определить то, что я тогда почувствовал. Незвестная предопределённость... Да, наверное, именно так можно было охарактеризовать то чувство беспокойства, которое охватило меня во сне. Я чувствовал, что должно что-то произойти, что-то предопределённое и необходимое, но мне неизвестное и потому пугающее.

– Мне снилась улыбка, — ответил я.

– Это хорошо, — сказала Карина, бросив на меня сосредоточенный взгляд. — Тебя ждёт что-то особенное и удивительное. По крайней мере, так трактует этот сон один из сонников, который я недавно читала.

Карина мягко улыбнулась, давая понять, что все эти толкования она воспринимает не слишком серьёзно, но искренне хочет верить, что подобные сны действительно к лучшему.

– Мне тоже часто снятся улыбающиеся люди, — немного печально сказала она. — Странно, но практически никто из них мне в жизни не знаком. А тех, кого я видела, я видела мельком, случайно, в метро, на улице, в университете, и никогда с ними не разговаривала. Всё-таки удивительная штука – сон. У него есть своя предопределённость. — Карина замолчала на мгновение и добавила: — Незвестная нам предопределённость...

Я на секунду замедлил шаг. Уж не читает ли мои мысли эта голубоглазая брюнетка? Меньше всего я верил в телепатию. Тогда что же это? Необыкновенное родство душ, когда даже мысли сходятся? Или случайность, появление которой подогрето общей темой и настроением? Что бы это ни было, я был на удивление рад этому обстоятельству. Я шёл и общался с человеком, которому не надо объяснять свои мысли, своё настроение, потому что он чувствовал и понимал тебя без слов; и самое поразительное – это казалось естественным.

На Большом Каретном мы свернули под арку во двор старого здания и подошли к подъезду, над новой металлической дверью которого висел старый большой, красивый кованый карниз.

– Ну, вот мы и пришли. — Карина повернулась ко мне.

Я всё ещё держал её за руку и неловко мялся на месте. Честно говоря, я не хотел её отпускать и готов был пройти этой ночью ещё пол-Москвы, просто держа её за руку. Я оглядел двор и дом.

– На каком этаже ты живёшь?

– На третьем, — ответила Карина и показала на светящееся окно.

– Родители, должно быть, ждут.

– Да. Отчим. Он всегда беспокоится, когда я поздно возвращаюсь.

– А мама?

Как только это вырвалось у меня, я понял по выражению глаз Карины, что очень поторопился с вопросом.

— У меня нет мамы... — сказала Карина. — Она умерла.

— Извини, — пробормотал я виновато.

Я почувствовал себя неловко, но Карина только крепче сжала мою руку и, пристально посмотрев мне в глаза, улыбнулась своей неповторимо милой и спокойной улыбкой. Так мы и стояли молча некоторое время, глядя друг на друга.

— Мне надо идти, — тихо сказала Карина.

Я притянул её к себе, я чувствовал, как сильно бьётся её сердце, она чувствовала, как бешено стучит моё. Мной охватило волнение, которое я давно уже не испытывал. «Ведь мне не шестнадцать, и я не школьник-юнец», — пронеслось у меня в голове. Я поцеловал её, она ответила. Мы стояли, обнявшись, ощущая необыкновенное притяжение. Нас охватило волшебное чувство покоя. Здесь и сейчас существовали только мы. Я не знаю, сколько времени мы простояли на крыльце, прижавшись друг к другу. Наверное, долго. Свет в окне на третьем этаже погас. Увидев это, Карина ещё раз тихо повторила:

— Мне надо идти.

Я отпустил её.

— Мы ещё встретимся? — спросил я.

Карина что-то быстро написала на клочке бумаги и протянула мне:

— Позвони мне завтра... Я буду ждать.

Сказав это, она скрылась за дверью подъезда.

Когда я спустился с крыльца подъезда во двор, была уже глубокая ночь. Я машинально бросил взгляд на часы. Три часа. Было скорее рано, чем поздно. Я свернул в арку, в полную темноту, быстро прошёл под ней и выскочил в переулок. Тучи, затянувшие ночное небо, уже рассеялись. Бледный диск луны светил неярким отражённым светом. Я на минуту замедлил шаг. Город спал. Было непривычно тихо и пустынно. Кругом никого, только редкие фонари, как заснувшие постовые, стояли в отдалении друг от друга, освещая абсолютно пустынный переулок и припаркованные то тут, то там многочисленные автомобили. Было удивительно видеть всегда шумный и многолюдный город спящим. Я чувствовал потаённую силу в этом состоянии покоя погрузившегося в сон гиганта. Пройдёт всего несколько часов, и будет запущен механизм существования мегаполиса, который, потихоньку набирая обороты, раскрутит маховик бурной столичной жизни, чтобы вновь остановиться ночью, а затем снова начать своё движение с утра. Конечно, московская ночная жизнь не угасает, и где-то рядом со скоплением веселящегося ночью народа покой города не чувствуется так остро. Но здесь, в этом тёмном пустынном маленьком переулке, я видел тишину спящего города.

Совершенно один я шёл по тихому переулку в сторону Садового кольца. Освещённая магистраль, по которой пролетали автомобили, была уже рядом, когда я вдруг на тротуа-

ре, на противоположной стороне переулка, заметил фигуру человека. Я не стал сбавлять хода. На углу дома, недалеко от тускло светящегося фонаря стоял мужчина. Я успел заметить только высокий силуэт и на мгновение вспыхнувший огонёк зажигалки, от которой мужчина прикурил сигарету. Присутствие кого-то, не идущего, не бегущего, а спокойно стоящего в темноте в такой час было странно и неестественно для этого пустынного места. Я шёл, краем глаза следя за тем местом, где я только что заметил неподвижную человеческую фигуру, и чувствовал, что за мной пристально наблюдают. Я не мог видеть лица мужчины, но вдруг мне показалось, что спокойно стоявший и куривший в темноте человек не только смотрел на меня, но ещё и улыбался. Воспоминание о сне прошедшей ночи разбудило во мне непонятное чувство тревоги и неуверенности. Я прибавил шагу и скоро очутился на улице. Оказавшись под защитой городских огней, рядом с широкой дорогой, я оглянулся, чтобы посмотреть ещё раз на странную фигуру в глубине ночного переулка. Но уже ничего не смог разглядеть. Я пытался вглядываться в темноту, но ничто уже не выдавало присутствия странного ночного курильщика.

Я вышел на Садовое кольцо и стал ловить машину. Через минуту меня подобрало такси, и я помчался в сторону моего родного Беляево.

Глава 2

Воскресное утро у меня началось часа в два дня. Проснувшись, я ещё долгое время валялся в постели, погрузившись в состояние блаженного безделья. Лёжа в постели, я смотрел, как солнечные лучи, пробиваясь сквозь шторы и тюль, раскрашивали стены моей комнаты в яркий жёлтый свет, и вспоминал вчерашний вечер.

Теперь, утром, я мог с уверенностью сказать, что Карина меня задела, я ею увлёкся. Для меня это было странным состоянием. Никогда ранее короткая встреча и один вечер с незнакомой ранее девушкой не могли так сильно взволновать меня. Не очень влюбчивый по натуре, я всегда достаточно спокойно и трезво относился к женщинам. Но Карина... И почему именно Карина? Я не знал, но раз за разом пытался мысленно нарисовать её притягательный образ. «Наверное, она просто милая и красивая девушка, с которой легко общаться», – подумал я, но сразу же решил, что это не так или не совсем так, а может быть, и вовсе не так. За тихим и милым образом скрывался сильный таинственный характер. Я, хоть и был затворником, никогда не был обделён вниманием девушек и видел разных – романтических мечтательниц, милых пустышек, интеллектуально-истеричных зануд, прагматичных стерв и играющих чувствами (или пытающихся это делать) эмоциональных вампирш. Часто все эти образы бла-

гополучно сочетались и с регулярностью менялись в одной женщине. И я это понимал, а поняв, пытался читать характер. А Карина... У меня сложилось впечатление, что теперь изучать буду не я, а изучать будут меня...

В три часа дня я наконец вылез из постели, поборов крепящую тягу к полуденному сну, и побрёл на кухню варить себе кофе. К сожалению, я не должен был позволять себе ни одной лишней минуты сладкой обломовской мечтательности. Гора бумаг и книг на письменном столе служили мне прямым укором. Надо было приниматься за работу. Когда я, приняв душ и выпив чашку кофе, уселся было за стол, раздался телефонный звонок. Это был Верхов.

– Ну, Руслан, давай рассказывай! — весело крикнул он.

– О чём?

Сергей хихикнул:

– Как о чём? Что ты можешь сказать о Карине?

Я немного замялся, даже покраснел слегка:

– Приятная, умная девушка...

– Понравилась? – бестактно, напрямую спросил Сергей.

– Слушай, ты для этого мне звонишь?! – вдруг вскипятился я, как будто Сергей попытался бесцеремонно влезть во что-то, ставшее для меня чрезвычайно личным.

Сергей поспешил меня успокоить:

– Ну конечно, нет. – Он сразу перевёл разговор на другую тему: – Есть дело... Помнишь, я говорил тебе вчера о своей новой работе?

– На телевидении?

– Да. Кубарев мне предложил заняться одной исторической темой. Я хотел бы с тобой посоветоваться.

– Интересно. И о чём идёт речь?

– История ордена Храма... Я думаю, тебе не стоит напоминать, что это один из духовно-рыцарских орденов, созданных во времена крестовых походов. Кубарева интересуют исторические загадки, неоднозначности, связанные с этой темой. Человек он в меру исторически образованный, где-то читал и что-то слышал об интересной истории и печальном конце этого ордена. Тема на слуху и может быть интересна зрителям. Короче, нужен материал, на котором можно сделать добротную передачу по этому вопросу... Как думаешь?

Не сказать, чтобы я был сильно удивлён вопросом Сергея. В исторических и околоисторических кругах загадка ордена тамплиеров (храмовников) обсуждалась уже очень давно, сотни лет. И даже в школьном курсе по истории средних веков уделено немного места конфликту французского короля Филиппа IV и ордена Храма. В целом любой мало-мальски гуманитарно образованный человек что-нибудь да знал об ордене тамплиеров, хотя бы из художественных книг. История рождения, существования и трагического финала ордена Храма оставила после себя массу загадок. Это стало благодатной почвой для появления огромного вала околоисторической литературы. Популярные книги окружили историю тамплиеров легендами и превратили её в особый, лег-

ко узнаваемый и популярный исторический бренд. В этом плане тема была действительно перспективна. Но красочно и интригующе осветить многовековую запутанную историю рыцарского ордена в рамках небольшой телевизионной передачи – по мне, это было задачей сколь амбициозной, столь и сложно выполнимой.

– Наше телевидение заинтересовалось подобной темой? – с недоверием спросил я.

– Ничего удивительного, – ответил Сергей, – сейчас это становится модно. Есть телезрители, которые не хотят смотреть примитивные шоу. Им интереснее и полезнее посмотреть на досуге какую-нибудь передачу про средневековых рыцарей, чем очередной раз кривиться на новый концерт старых звёзд. Да и сама тема чрезвычайно раскручена. Интерес к проекту обеспечен!

– Ну, предположим. – Мой природный скепсис был неистребим. – Предположим, что это может быть интересно, даже наверняка будет интересно... Тема тамплиеров сейчас очень востребована. В последнее время почти каждая вторая историческая книга, написанная о рыцарях, посвящена истории ордена Храма. И может быть, благодаря этой своей бешеной популярности, тема особенно трудна для профессионального освещения. Чтобы не опуститься до повторения уже не раз озвученных и переписанных банальностей и мифов, необходима нетривиальная трактовка, нужны имена, авторитеты, столкновение мнений, специфичный визуальный материал.

В России этого практически нет. Это тема западной истории, и всех основных специалистов по ней можно найти только на Западе. Например, для французских историков тамплиеры – это особый объект национальной историографии, и не проходит, пожалуй, и года, чтобы во Франции не вышли очередное научное исследование или художественная книжка об ордене Храма. Как у вас с бюджетом? Предполагаете командировки в Европу?

Сергей тяжело вздохнул:

– Попал в точку. Денег и времени особо нет. Нужны учёные, специалисты и авторитеты в России, желательно с известным именем. Поэтому и звоню... Советуй.

Я на минуту задумался, перебирая в памяти знакомые фамилии известных историков-медиевистов:

– Есть у нас специалисты и в этой области. Если мне не изменяет память, жив ещё Андреев. В своё время он написал несколько книг по этой теме. Во Франции у него много знакомых и друзей, профессионально занимающихся этим вопросом. Но сейчас ему уже за восемьдесят, и ничего загадочного, как я знаю, в истории тамплиеров он не усматривал, несмотря на всю шумиху, связанную с этой темой.

– Это ты об академике Андрееве?

– О нём самом.

– Подойдёт, если, случаем, не впал в маразм.

– Хотя старику уже за восемьдесят, об этом можешь пока не беспокоиться... По данной теме ещё писал Зельдыш. Но

этот уже, кажется, в Америке. Отчасти этой проблематикой занимались Федосов и Гаврильченков, ученики Андреева. С ними, я думаю, можно поговорить... А больше я и не помню никого. Может быть, кто-то из молодых этим интересуется. Но это надо отдельно изучать... Вообще же тема старая и в российских академических научных кругах уже давно не популярная. Публицистика, одним словом. На ней имя сделать нельзя. Растиражированная тайна, не имеющая приемлемого исторического объяснения, может быть объектом любопытства, а не серьёзного научного интереса.

– Ну что ж, можно начать и с Андреева. Есть какие-нибудь координаты?

– Тебе срочно? Завтра я встречаюсь со своим научным руководителем, Ракицким, – он с Андреевым в приятельских отношениях. Могу поинтересоваться.

– Отлично! Руслан, буду должен.

– Да пока не за что.

Повесив телефонную трубку, я задумался, разглядывая висевший на стене календарь. «Крестоносцы на российском телевидении? Что только не придумают наши массмедиа, чтобы развлечь уставшего от однообразия обывателя», – рассеянно подумал я и отметил попавшимся под руку фломастером двадцать девятое июня – последний день моего отпуска.

После, поклонявшись по комнате, я всё-таки решился, нашёл листок бумаги с телефоном Карины и позвонил. Она

ждала моего звонка – я это почувствовал. Мы договорились встретиться в среду вечером. Повесив трубку, взволнованный, я стал ждать этого дня. Это означало только одно – в моей жизни что-то начинает меняться.

В понедельник в первой половине дня у меня была назначена встреча на кафедре со своим научным руководителем, профессором Ракицким. У Ракицкого был перерыв между двумя лекциями, и потому он, не желая откладывать чтение на потом, решил сразу же посмотреть текст первой главы моей диссертации. Мы разместились в пустой аудитории, и профессор, поправив на носу маленькие круглые очки, стал тщательно изучать мой научный труд. Пока Ракицкий читал, я отрешённо разглядывал зал аудитории, думая о том, какое впечатление окажет на профессора моя, так и не законченная, первая глава.

Стефан Петрович Ракицкий, худощавый седой профессор небольшого роста в неизменных круглых очках, вот уже пятьдесят лет преподавал в университете. Серый костюм, истоптанные полуботинки, тускло-печальный взгляд близоруких глаз, тихий, но твёрдый голос – таким Ракицкий запомнился многим поколениям студентов.

Про Ракицкого ходило много легенд и распространялись всевозможные слухи. Говорили, что он сын эмигрантов, вернувшихся в Россию из Парижа в конце двадцатых. Его отец, Пётр Ракицкий, молодой московский литературовед, после

Октябрьского переворота эмигрировал во Францию, но там так и не прижился и, благодаря кое-каким связям в ОГПУ (об этом шептались злые языки), вернулся в Советскую Россию, где стал главным редактором одного слабо известного и малотиражного журнала. Уже в СССР он встретил свою будущую жену, у них появилось трое детей, две дочки и сын. Безжалостная коса сталинских репрессий, как ни странно, обошла семейство Ракицких стороной. Возможно, про белоэмигранта Ракицкого просто забыли – и такое часто бывало в те времена, – а может быть, он был кому-то нужен. Как бы то ни было, Пётр Ракицкий прожил очень долгую и спокойную жизнь и умер в начале семидесятых уже в весьма преклонном возрасте. Стефан Ракицкий, старший из детей, к тому времени уже был профессором МГУ и преподавал на историческом факультете университета. Своим звучным именем он был обязан отцу, который вдруг вспомнил про свои венгерские дворянские корни по материнской линии. При рождении мальчика Пётр Ракицкий настойчиво хотел назвать своего сына Иштваном, но под давлением родных принял более понятное русскому уху имя Стефан, от которого в своё время и образовалось венгерское Иштван. Сам отец со скрипом согласился на подобную адаптацию данного им ребёнку имени и всю жизнь называл Стефана Ваней, подразумевая под этим именем уменьшительную форму от Иштвана. Справедливости ради, надо заметить, что русской, немецкой и татарской крови в Стефане было не меньше, а

может быть, даже и больше.

Всю свою жизнь Стефан Ракицкий посвятил преподавательской работе. Он занимался западноевропейской средневековой историей и потому, вдалеке от модных идеологических тем советского периода, не сделал себе громкого имени, не получил особых наград и званий. Тем не менее на факультете его все ценили и уважали, а он с чувством абсолютного равнодушия относился к постоянным попыткам плохо знавших его людей перекрестить его из Стефана в Степана. Он несколько раз ездил во Францию и Германию на стажировку, а также для работы в исторических архивах. Злые языки не раз утверждали, что Ракицкий так свободно посещал капиталистические страны не только потому, что свободно владел английским, немецким и французским языком, но и потому, что информация, которую он собирал в крупнейших европейских исторических архивах, каким-то образом была полезна партийным и иным советским органам.

Ракицкий был из тех преподавателей, которых студенты традиционно побаивались и уважали за их принципиальность и профессионализм. На факультете он пользовался славой известного эрудита и книгочея, который всегда требовал от студентов безусловного знания конкретного материала. Ракицкий не особо любил излишнее теоретизирование, отдавая предпочтение уверенному владению исторической фактографией. Профессор в этом плане был несколько старомоден, не раз утверждая, что историческая теория мо-

жет изменить, но не может заменить исторический факт.

Ракицкий читал мою работу, иногда он хмурился, как будто пытаюсь что-то представить и оценить, иногда на его губах появлялась едва заметная улыбка, которая практически мгновенно исчезала. При чтении текста Ракицкий не забывал делать карандашом короткие пометки на полях диссертации.

Когда чтение работы было закончено, Ракицкий внимательно посмотрел на меня, что-то обдумывая, и удовлетворённо заметил:

– Могу с уверенностью сказать, что текст вашей работы можно оценить весьма высоко. Есть интерес, есть знание материала, есть новые, хоть и спорные, трактовки. Я хотел бы ещё раз перечитать вашу работу дома и подготовить ряд замечаний. Я думаю, что детально мы обсудим ваш текст через неделю. – Ракицкий положил папку с диссертационной работой в свой старенький портфель.

Я надеялся услышать от Ракицкого более конкретную оценку своей работы. На необходимые исправления и доработки оставалось не так уж много времени, и пожелания научного руководителя были бы сейчас как нельзя кстати. Профессор, заметив некоторое смущение на моём лице, мягко улыбнулся:

– Я считаю, молодой человек, что у вас есть хорошие перспективы на защиту диссертации. Тема исследования средневекового миропонимания сейчас чрезвычайно востребо-

вана, я бы даже сказал, чрезмерно популярна. Вы попали в струю научного интереса. Сейчас многие пишут о том, как сильно отличались люди средневековья от современного человека. Средневековый человек по-другому видел, по-другому чувствовал, его представления сильно отличались от представлений современного жителя мегаполиса, страдающего ожирением и неврозами. И конечно, необходимо согласиться с тем, что тот мир был совсем другим по сравнению с нашим миром.

Ракицкий откинулся в кресле, скрестил по привычке руки на груди и продолжил:

– Средневековое мироощущение, яркое и чувственное, принципиально неотделимое от религиозных переживаний, представляло собой жгучую смесь добра и зла. Нашим современникам понять и принять этот мир достаточно сложно. Мы, оглушённые информационной революцией и позабывшие старых богов, строим в современности нечто, финал чего мы не можем даже прогнозировать. И в этих условиях мы ставим задачу понять прошлое, понять другой мир исторического человека. Это похвально. Но понять другой мир мы сможем только тогда, когда будем искать не расхождения, а сходства. Решив первую задачу, поняв, чем мы так отличны друг от друга, мы должны сделать шаг назад и посмотреть, чем же мы похожи с человеком другой исторической эпохи. За шелухой калейдоскопных событий мы должны увидеть зёрна исторического движения. В морской ряби,

казалось бы, вызванной дуновением ветра, надо видеть силу мощного направленного течения, которое не вчера появилось и не завтра иссякнет. Прошрое, каким бы оно ни было другим и непонятным, сидит в нас, и ещё совсем неясно, как то, что было, влияет на то, что есть.

Ракицкий сделал многозначительную паузу. Казалось, профессор не замечал своего аспиранта, он задумчиво смотрел мимо меня. Для любителя исторической детали подобный теоретический выпад был не характерен. И я сразу отметил особое, слегка отрешённое настроение у профессора. Было заметно, что Ракицкого сейчас волнует совсем не работа его аспиранта, а нечто совсем иное, по важности, видимо, превосходящее мои диссертационные интересы. Что это было – объяснение с коллегами, ссора с близкими людьми, проблемы с водопроводом, погода или беспричинная вселенская грусть – понять было невозможно. Но я сделал единственно возможный вывод: обсуждение первой главы придётся отложить на неделю. Взятых за свой счёт четырёх недель отпуска катастрофически не хватало, а объём наработанного и требующего изложения материала предательски увеличивался.

Выдержавший долгую паузу, Ракицкий вдруг встрепенулся:

– Ну что ж, в общем, вы взяли хороший старт. Как говорится, открылся занавес, и действие началось. Пока никто, даже сам автор пьесы, не знает, чем закончится драма, но первый шаг сделан, и зрители требуют оправдать их внима-

ние и доверие к автору... Впрочем, молодой человек, я с вами засиделся. Мне уже давно пора. Надеюсь, через неделю вы меня порадуете новыми страницами текста, и диссертация всё-таки начнет приобретать вид законченного целого.

Ракицкий посмотрел на часы и поспешно схватил портфель. Прощаясь, он неожиданно обернулся ко мне и как бы невзначай бросил:

– Совсем забыл. Ваши цитаты из Жака Ле Гоффа слишком натянуты и слабо привязаны к материалу, а перевод с французского просто ужасен, особенно на тридцать седьмой странице. Убедительно прошу, поработайте в этом направлении.

Ракицкий ещё раз улыбнулся своей неповторимой инквизиторской улыбкой и направился было к выходу. Но тут я вспомнил о Верхове и его телевизионных делах:

– Стефан Петрович, я хотел бы обсудить с вами один вопрос.

Профессор остановился, в вежливом ожидании застыв на мгновение:

– Если это не займёт много времени, а то мне надо успеть ещё зайти на кафедру.

– Один мой знакомый на телевидении пытается снять историческую передачу о рыцарях-тамплиерах, — сразу в карьер бросился я. — Он попросил рекомендовать ему учёных специалистов в данном вопросе на предмет сотрудничества... И я подумал, что вряд ли кто лучше вас может сей-

час проконсультировать телевизионщиков по этой теме, — забыв об Андрееве, предложил я.

Я покраснел, увидев улыбку Ракицкого, и остро осознал, что корявая лесть глупа и бессмысленна, когда она бездарно оформлена и обращена к умному человеку. Ракицкий был великодушен.

— Ох уж эти тамплиеры, куда от них деться! — воскликнул Ракицкий, добродушно рассмеявшись. — Так много о них написано, и всё больше откровенные враки! Говорят, даже компьютерные игрушки на эту тему выпускают, а любой мало-мальски уважающий себя литератор хоть что-нибудь да скажет по вопросу тамплиерско-масонских тайн. — Вдруг профессор сменил тон, заметив, как моё лицо залилось краской от неловкости положения. — Однако, дорогой мой Руслан, этот интерес наших массмедиа я могу только приветствовать. Уж лучше тамплиеры, чем некоторые откровенно бессмысленные передачи. Только, Руслан, к сожалению, я в ближайшее время очень занят, да и тема, скажем честно, не совсем моя. Давайте я дам вам телефон одного моего знакомого, профессора Андреева. Он всё-таки считается у нас крупнейшим отечественным специалистом по крестоносцам, обратитесь к нему. Я его предупрежу. Ему будет приятно, да и заработает, может, чего...

Ракицкий порылся у себя в портфеле, нашёл в нём блокнот, оторвал один листок и крупными цифрами написал телефон Андреева, а рядом дописал название книги — «Рыца-

ри Храма» и год её издания – 1982.

– Позвоните Андрееву, а эту книжку я советую вам посмотреть, чтобы сложилось некоторое представление об авторе. Очень интересная, полезная и редкая книжка.

Бросив ещё раз взгляд на часы, Ракицкий подхватил свой портфель и быстро вышел из аудитории.

Мне повезло. Если бы не мудрая тактичность Ракицкого, я мог бы попасть в неприятную ситуацию в случае, если мой научный руководитель заинтересовался бы телевизионным проектом Верховя. Ракицкий мог ступить на территорию другого, а это в научных кругах, десятилетиями формирующих поля деятельности, и у первых номеров, культивирующих эти поля, не особо приветствуются. Как и у крупных хищников, у учёных очень сильно чувство территории, и вторжение в чужую тематику часто чревато охлаждением отношений и конфликтами. Срабатывает простой животный комплекс владения или человеческий интерес защиты собственности. Пусть даже Ракицкий в дискуссии может быть много интереснее Андреева (а я в этом был практически убеждён), но ведь нельзя обойти стороной признанного специалиста, как нельзя одному льву безнаказанно охотиться на территории другого льва. Ну, раз нельзя, значит нельзя.

Домой не очень хотелось. Я ещё раз посмотрел на листок бумаги с телефоном Андреева и названием книги и решил заглянуть в читальный зал библиотеки МГУ.

Когда я забрался в картотеку, я не поверил своим гла-

зам. Список публикаций Андреева был весьма внушителен, и в нём было немало книг, посвящённых крестоносцам вообще и тамплиерам в частности, но «Рыцарей Храма» там не было. В одном из самых полных собраний книг МГУ по гуманитарным наукам не было книги профессора МГУ! Это могло быть только в двух случаях – либо книга издана очень небольшим тиражом, и на библиотеку гуманитарных факультетов её просто не хватило, либо она ещё в советские времена внесена в какой-то нехороший список. Недолго думая, я отправился в фундаментальную библиотеку МГУ на Моховой. Но и там на мой запрос только развели руками – такой книги нет и никогда в списках не было. Моё любопытство росло. Ещё не увиденная и не прочитанная книга стала возбуждать во мне интерес. Оставалось только одно место, где я мог её найти. Это был Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) на Профсоюзной. В ИНИОНе есть все книги, когда-либо издававшиеся в СССР по тематике гуманитарных наук. Славившийся ещё в советские времена своими общественно-политическими дискуссиями в области буфета ИНИОН был всегда достаточно закрытой библиотекой. Но к счастью, в своё время по рекомендации кафедры, как аспиранту МГУ, мне удалось получить читательский билет в этой библиотеке.

Долго искать в картотеке книгу Андреева на этот раз не пришлось. Я заказал её в хранилище и через час уже держал в руках экземпляр «Рыцарей Храма». Тысяча девятьсот во-

семьдесят второго года издания, двести пятьдесят страниц, неяркая, мягкая обложка, мизерный для советского времени тираж – пятьсот экземпляров. Книга была написана доктором исторических наук Андреевым В.А. в соавторстве с неким кандидатом исторических наук Полуяновым В.К. На первый взгляд ничем не примечательная, сугубо научная книжка. Только на форзаце большой синий штамп – «строго для служебного пользования». Чем могла прогневить советскую политическую систему небольшая книжка о тамплиерах? Этот синий штамп только ещё сильнее подогрел во мне любопытство. Мельком, ещё раз просмотрев всю книгу, я открыл её на первой странице и погрузился в чтение.

Не могу сказать, что книга меня сразу увлекла. Тяжёлое нагромождение дат, цитат и ссылок поначалу казалось мне чрезмерным. Но чем дальше я читал, тем более увлекался текстом. Авторы, казалось мне, играли, создавая невидимую нить диалога с читателем. Они то усложняли текст, то максимально упрощали его, то досконально обсуждали мелкие детали, то взлетали в небеса тотального обобщения. Сначала меня удивляла даже не фактическая сторона книги, а манера изложения. Местами своим набором рассуждений и умозаключений она напоминала даже не исследование учёного, а мистический рассказ. Некоторые абзацы книги странным образом больше походили по поэтической ритмике на заклинания, чем на научный текст. Чем дальше я читал, тем острее чувствовал особое влияние текста, своей энергетикой погру-

жавшего в исторический материал.

Постепенно нить повествования стала вырываться из рамок строго научного анализа, в тексте появились странные параллели, связывающие орден храмовников с тайными средневековыми учениями, катарской ересью, движениями масонов и древнееврейскими легендами. Всё это скорее напоминало исторический триллер, а не научное исследование. Конечно, авторы по традиции преподносили этот пересказ мистических и исторических теорий как критику буржуазных концепций истории тамплиеров, но это больше походило на попытку поставить вопросы о тайном смысле существования средневекового ордена и сущности его организации, нежели на разоблачение мистических теорий. Оправданное чувство недоверия к странной концепции книги, которая больше задаёт вопросов, чем даёт ответов, у меня тем не менее совмещалось со всё более возрастающим интересом. Материал захватывал своей непредсказуемостью и попыткой в этой непредсказуемости построить логику разных исторических связей и отношений. Всё больше погружаясь в него, я понял, что авторы, изучив массу исторических деталей, почувствовали, впрочем, как и многие другие историки, некую тайну ордена, которая своей непостижимостью притягивала и заставляла вопрошать.

Увлечённый чтением, я только подобрался к середине книги, когда вдруг передо мной возникла фигура библиотекаря в образе молодой привлекательной девушки. Она суро-

во и одновременно отрешённо посмотрела на меня, а потом немного раздражённо объявила:

– Мы закрываемся, молодой человек. Уже пора сдать книгу.

Я огляделся. В зале, где я сидел, я был один. Часы показывали шесть вечера. Я нехотя расстался с «Рыцарями Храма» и направился к выходу.

На улице я автоматически пошёл к метро и спустился под землю. В голове у меня вертелось только что прочитанное высказывание средневекового трубадура Гио де Провена: «Крест – тот путь, на который их направил Бог, и по которому Бог их ведёт».

Глава 3

Как я и предполагал, договориться с Андреевым о встрече не составило большого труда. Когда академик услышал от Верховова, что речь пойдёт о его любимых храмовниках, он с радостью согласился, а когда Сергей добавил, что итогом нашей работы может стать и неплохой дополнительный заработок, Андреев заметил, что готов с нами встретиться когда угодно, но только желательно у себя дома, потому что передвигаться в его годы на дальние расстояния стало достаточно трудно.

Вечером мы с Верховым приехали к Андрееву в гости в его большую профессорскую квартиру в доме на Фрунзенской набережной. Дверь нам открыл сам академик, облачённый в штаны с вздутыми коленками, жёлтую рубашку и вельветовую жилетку тёмно-коричневого цвета. Седой сгорбленный старик, опираясь на палочку и шаркая старыми тапочками, проводил нас в свой кабинет и показал рукой на потёртый кожаный диван, который был, по всем признакам, одnogодок со своим хозяином.

– Все мои на даче, а я вот за сторожа, – сказал Андреев и медленно опустился в кресло, стоявшее рядом с его большим письменным столом. – Итак, молодые люди, вы интересуетесь историей ордена Храма, и ваш интерес не есть простое любопытство. Не так ли?

– Вы абсолютно правы, Василий Алексеевич, – начал Верхов. – Дело в том, что один из центральных телеканалов готовит цикл передач на историческую тему, и одна из передач должна быть посвящена истории ордена храмовников. Мы справедливо полагаем, что эта тема не только интереснее, но и полезнее в образовательном плане, чем разговоры о том, что лучше носить в этом сезоне и какую музыку слушать.

– Ну что же вы, дорогой мой...

– Сергей.

– ...дорогой мой Сергей. Не стоит так уж прямо рубить с плеча. Я, например, в свои восемьдесят с лишним иногда с удовольствием смотрю передачи про современную моду и музыкальные клипы. Видите ли, молодые люди, история без современности пуста и бессмысленна, впрочем, так же справедливо и обратное. И нам, историкам, приходится искать ту единственно правильную ниточку, которая может и должна связывать прошлое и настоящее, предлагая нам вариант осмысленного будущего... Однако вернёмся к теме. Что вас или, уж позвольте так говорить, нас (если я правильно понимаю, мы и будем подбирать материал) может заинтересовать в этой печальной истории, которая, к сожалению настоящих специалистов, стала уже неприличным штампом?

– Цикл передач на историческую тему, который сейчас готовится на телевидении, получил вполне рабочее название «Тайны истории». Таинственные стороны исторических событий всегда привлекают зрителя. Поэтому и в нашем слу-

чае стоит сделать акцент именно на этом.

Андреев едва заметно усмехнулся:

– В нашем ремесле говорить об ордене Храма и промолчать о тайнах его рождения и гибели становится практически невозможно. Это стало общим местом, традицией, странной данью исторического интереса. Понимаю, что зрителя нельзя привлечь банальными объяснениями произошедшего, но поверьте мне, если бы мы могли с большой точностью восстановить все события прошлого, мы удивились бы простоте объяснения любого исторического факта. Всё в истории объяснимо, а мистика появляется только там, где не хватает документов, терпения и пытливого разума. Огромная разница между сохранившимися историческими документами и историческим вымыслом становится тем более очевидна, чем больше ты изучаешь конкретный материал.

Сергей нервно заёрзал на стуле. Меньше всего на свете он хотел услышать сейчас, что тайны ордена тамплиеров и нет никакой, что она есть всего лишь плод буйного воображения писателей от истории. Но даже если это и было так, его задача, как поставщика материала, состояла совсем в обратном.

– И всё-таки, Василий Алексеевич, неужели в истории храмовников не было ничего, что оставило бы свой необъяснимый след, свою тайну?

– Знаете ли, молодой человек, человеческий разум может найти загадку даже в падении осеннего листа. Что уж говорить о драматической судьбе средневекового ордена! Давай-

те попробуем оценить всё сами, — сказал академик.

Андреев поудобнее устроился в своём кресле и начал свой рассказ:

— Орден был образован в 1119 году, по одним сведениям, или на год раньше — по другим, неким шампанским рыцарем Гуго де Пейеном для охраны дорог в окрестностях Иерусалима и защиты паломников от многочисленных бандитов, промышлявших в окрестностях города в те времена. Первоначально в орден входили всего девять рыцарей. В 1128 году появляется Устав ордена, одобренный Собором в Труа и, по слухам, составленный при помощи самого Бернара Клервоского, одного из главных проповедников крестовых походов и великого интеллектуала средневековья. Орден, получивший благословение папы, стал быстро расширяться и укреплять свои позиции не только на Святой земле, но и в Европе. Со временем он превращается в сильную и очень эффективную военную организацию. В Иерусалиме орден Храма для своей резиденции получил помещения мечети Аль-Акса. До обращения в мечеть халифом Омаром это была базилика в честь Пресвятой Богородицы, которая в свою очередь была построена на территории легендарного Храма Соломона. Именно поэтому орден и получил название «Бедные рыцари Христовы Храма Соломона».

Прошло совсем немного времени после организации ордена, когда он достиг на Святой земле и в Европе огромного влияния и богатства. Прямое покровительство папы

и жёсткая организация позволили стать тамплиерам самым могущественным из существовавших тогда военно-монашеских орденов. Они подчинялись непосредственно папе римскому и были освобождены от уплаты церковной десятины. Ни светские, ни духовные власти не могли судить тамплиеров и налагать на них какие-либо наказания. Орден Храма владел многочисленными землями и замками, покрывшими всю Европу и Ближний Восток своей сетью. У храмовников был свой флот, который зарабатывал большие деньги на перевозках паломников к святым местам. Ордену жертвовали большие состояния многие именитые люди того времени. Именно орденские казначеи первыми придумали векселя на предъявителя, чек и все виды кредита. Паломники, отправляясь в долгое путешествие к святым местам, оставляли храмовникам свои сбережения, взамен получая расписки, по которым они могли получить оставленную сумму уже на месте, безусловно, за вычетом определённых комиссий. Интересно, что лично члены ордена не могли обладать никакой собственностью. Все деньги, замки и земли принадлежали самому ордену, но не его членам.

Тамплиеры были богаты, может, даже очень богаты, но стяжательство не было их основной целью. Их основной целью была война против неверных. На Ближнем Востоке, возможно, не было более непримиримых противников мусульман, чем орден Храма. У тамплиеров была небольшая, но хорошо организованная армия. Многие современники, в том

числе и мусульмане, признавали, что по храбрости и умению тамплиерам на Ближнем Востоке не было равных. Во всех крестовых походах после образования ордена самыми стойкими и самыми опытными воинами были тамплиеры. Им поручали самые опасные задания, и никогда не было случая, чтобы они отступили перед неприятелем. Среди господствующей в те времена феодальной вольницы тамплиеры выделялись жёсткой военной дисциплиной и беспрекословным подчинением нижестоящих вышестоящим. На поле битвы без приказа командира тамплиеры не могли ни начать сражение, ни отступить – всё это каралось исключением из ордена и смертью. Для них существовала или победа во имя Господа, или смерть во имя Господа. Их девизом были слова «Non nobis, Domine, non nobis, sed tuo nomini da gloriam!» (Не нам, Господи, не нам, но имени твоему ниспошли славу!) Их знамя было окрашено в чёрно-белый цвет и называлось gonfanon baussant (пегое знамя). Чёрный цвет должен был означать готовность умереть за дело веры и непримиримость к врагам веры, а белый говорил об их любви к Богу и чистоте. Все рыцари носили белые плащи с нашитыми на них алыми восьмиконечными крестами. Интересно, что орденские sergeants и нанятые местные наёмники (туркополы), служившие в отрядах храмовников, носили исключительно чёрные одежды.

Трагический финал ордена был предопределен потерей владений на Святой земле. Тамплиеры были последними из

крестоносцев, кто оставил Ближний Восток. Именно они до конца обороняли стены Акры в 1291 году и практически все погибли, включая Великого Магистра Гийома де Боже, защищая оставшихся в городе женщин и детей от гнева мусульманских воинов. Именно под стенами Акры закончилась славная история ордена и начался трагический исход в никуда. Ближний Восток был для них домом, и потеряв его, храмовники потеряли смысл своего существования. Только победоносное возвращение на Святую землю могло спасти орден, но этому уже не суждено было произойти. Христианская Европа на долгое время потеряла всякий интерес к Ближнему Востоку.

После ухода с Востока оставшиеся в живых тамплиеры обосновались сначала на Кипре, потом они перенесли свою штаб-квартиру в Париж. Французские короли, ещё со времён Людовика Святого, которого тамплиеры выкупили из плена, всегда с особым расположением относились к ордену, часто поручая им контроль над своей казной. Дом ордена Храма в Париже стал одним из финансовых центров средневековой Европы. Тамплиеры обладали могуществом, каким ранее не обладала никакая организация. Ничто не предвещало скорого и трагического конца. Король Филипп Красивый, казалось, особо благоволил ордену. Во время восстания в Париже в 1306 году он укрылся от разгневанных парижан за стенами замка тамплиеров. Жак де Моле, последний Великий Магистр, был даже крёстным отцом дочери Филиппа,

а сам Филипп просил орден принять его в свои ряды почётным членом.

Но, несмотря на все эти внешние признаки благополучия и силы тамплиеров, королевскими легистами давно уже была подготовлена секретная операция по уничтожению ордена. В один день (а было это в пятницу 13 октября 1307 года) королевские стражники арестовали практически всех тамплиеров по всей Франции. Никто из них не оказал никакого сопротивления. Жак де Моле был арестован лично разработчиком коварного плана, особо приближенным королевским легистом и хранителем королевской печати, Гийомом де Ногаре.

Храмовников обвинили на церковном суде в страшных грехах: отречении от Иисуса Христа путём оскорбления Креста, содомии, поклонении идолам и отказу в причащении телом Господним. Основой этих неправдоподобных обвинений стали показания одного бывшего рыцаря-тамплиера, осуждённого за уголовные преступления. По его словам, каждый новый член организации во время ритуала вступления в ряды ордена должен был плюнуть на распятие и поцеловать в копчик Магистра. Этот же человек утверждал, что в ордене существовал тайный культ поклонения странному идолу, который не имел определённого названия, но вошёл в историю процесса под именем Бафомет (скорее всего, трансформированное имя Магомета). Слухи приписывали этому идолу образ нечеловеческой демонической головы. Все об-

винения были сколь гнусны, столь и нелепы, не имели никаких подтверждений, кроме признательных показаний, выбитых из несчастных под пытками. Но расчёт был верен – чем более нелепа ложь, тем охотнее в неё верят.

И хотя процесс по делу тамплиеров проходил с разной степенью успеха на протяжении семи лет, трагический финал его был предreshён. Великий Магистр Жак де Моле и командор Нормандии Годфруа де Шарне были сожжены на костре как нераскаявшиеся еретики 18 марта 1314 года. Орден был разгромлен и больше никогда уже не восстановился... Ну вот, молодые люди, история интересующего нас объекта вкратце.

Всё время, пока Андреев рассказывал нам историю ордена Храма, мы внимательно его слушали. И уже после того, как старый академик, откинувшись в кресле, замолчал, с интересом оглядывая нас, я спросил его:

– И всё-таки, Василий Алексеевич, чем же был обусловлен печальный конец ордена? Почему Филипп Красивый пошёл на этот беспрецедентный процесс над воинами-монахами? Неужели все те обвинения, которые были выдвинуты в адрес ордена, имели под собой какие-то основания?

Андреев, не раздумывая, бросил всего только одно слово:

– Деньги. – Академик на минуту замолчал и потом добавил: – Филиппу Красивому нужны были деньги. Конфискованное имущество ордена попало в руки королевских управляющих, и тем самым король решил свои финансовые про-

блемы. Это была не первая операция Филиппа подобного рода. До этого он похожим образом расправился с ломбардскими банкирами и парижскими евреями. Вся эта история имеет абсолютно банальное и единственно верное объяснение. Власти нужны были деньги, и они инициировали суд над лже-еретиками, чтобы захватить имущество богатого ордена. Понимаете, орден Храма со своими идеями освобождения Святой земли оказался в прошлом. Наступили другие, прагматичные времена, главными героями которых стали такие беспринципные люди, как Гийом де Ногаре и Филипп Красивый.

Андреев достал откуда-то из стола трубку, набил её табаком и, не торопясь, закурил. По комнате быстро распространился приятный табачный аромат с оттенком вишни и ванили. Глядя, с каким удовольствием академик раскуривает трубку, я размышлял о перспективах нашего проекта. Рассказ Андреева я с интересом выслушал, но то, что тот рассказал, а скорее, его исследовательская позиция мало вдохновили меня. Я, безусловно, верил Андрееву и в чём-то был абсолютно согласен с ним – причину любой исторической трагедии надо связывать с вопросом власти, как политической, так и финансовой. Но где же здесь загадка? Где тайна? Где вопросы, на которые сложно ответить? Кубарев, оценив нашу позицию, скорее всего, грустно покивает и скажет нам, что эта тема зрителю будет не интересна. Очевидная историческая истина не вызывает интереса уже тем, что она очевид-

на, подозрительно очевидна... и может вообще не являться истиной.

Я вспомнил прочитанную не далее как вчера книгу, автором которой был тот же самый академик Андреев, который сидит сейчас передо мной и рассказывает абсолютно типичную версию истории тамплиеров. Как сильно отличалась позиция автора книги от озвученной только что позиции академика. Наверное, время вносит свои существенные коррективы в то, что мы думаем, и то, как мы смотрим на вещи. Когда я подумал об этом, во мне вдруг проснулся маленький бунтовщик, дух противоречия которого заставил меня вступить в дискуссию.

– Но неужели все факты истории ордена можно абсолютно точно и однозначно объяснить? – начал я рассуждать вслух, обратив на себя внимание дымящего трубкой Андреева. – Ведь существовали же моменты в исторической жизни ордена, которые допускают, по крайней мере, несколько толкований. Начнем с самого рождения ордена. Почему девять благородных и богатых шампанских рыцарей покинули свою родину, свои семьи и организовали на Святой земле достаточно узкое сообщество воинов-монахов? Неужели борьба с неверными и охрана дорог были единственными их целями? Сложно представить, что эта горстка людей могла обеспечить безопасность паломников в предместьях Иерусалима. Более того, очень сложно объяснить тот факт, что на протяжении девяти лет состав маленького ордена оставал-

ся практически неизменным. Их оставалось девять человек. Как мог столь малочисленный отряд выполнять те задачи, о которых он торжественно объявил? Те же девять лет практически никто из хронистов не упоминает об ордене Храма и его рыцарях, хотя те живут во дворце самого Иерусалимского короля Балдуина II, бывшей мечети Аль-Акса, стоявшей на месте легендарного Храма Соломона. Более того, некоторое время спустя король меняет резиденцию, переезжая в Башню Давида и оставляя свой дворец тамплиерам. Откуда такая благосклонность к маленькому отряду крестоносцев? Может быть, они выполняли какую-то более важную миссию на Святой земле, чем просто охрана дорог?

Андреев улыбнулся, своим снисходительно-благосклонным видом показывая, что всё, что я говорил, ему приходилось слышать уже не раз, и сейчас дилетант от истории в очередной раз пытается ступить на неблагодарную и зыбкую почву догадок и домыслов, которые очень далеки от исторической истины.

– Чрезвычайно похвально, молодой человек, что вы так эрудированы, но всё, что вы рассказали, не имеет никаких подтверждений. В ранние годы своего существования орден не имел установленной структуры и организации. Цели и задачи его были оформлены только после утверждения Устава в 1128 году. Именно тогда он получил особые преференции от папы, именно тогда начался серьёзный приток новых членов, и именно тогда орден стал обретать черты реальной

военной организации. До того момента мы можем говорить о группе единомышленников, которые, скорее всего, были организаторами, а не исполнителями духовной воли многих. Да, миссия у них была, но это была вполне реальная миссия пропаганды и подготовки рождения нового военно-монашеского ордена. Эту миссию они выполнили успешно.

– А как вы относитесь к утверждению, что сюзерен первых рыцарей Храма, граф Шампанский, специально направил их на Ближний Восток с особым заданием?

Андреев окинул меня своим взглядом и повёл шеей, как будто ему внезапно стал тесен воротник рубашки. Я понял, что своим видом он хочет показать лёгкое раздражение моим стремлением в отстаивании околосторических легенд.

– Этот миф вообще не имеет ничего общего с реальностью. Во-первых, не все рыцари были шампанскими дворянами, а во-вторых, самого графа Гуго Шампанского не было среди основателей ордена – он вступил в орден много позже под воздействием проповеди благородных религиозных идей тамплиеров.

Я не сдавался:

– А как можно объяснить все странные детали процесса по делу тамплиеров и событий, ему предшествовавших? Почему практически все тамплиеры сдались королевским стражникам без сопротивления? Куда делись огромные, по слухам, богатства ордена? Остались свидетельства самих тамплиеров, что за несколько часов до начала арестов замок

Тампля в Париже покинул обоз, состоявший из многих повозок. Говорили, что именно на этих повозках храмовники перевезли своё богатство к побережью, а потом на кораблях отправили в безопасное место. И есть ещё один вопрос. Почему большинство тамплиеров во время следствия признали большую часть выдвинутых против них обвинений?..

Андреев поднял руку, прося этим движением меня остановиться:

– Не торопитесь, молодой человек. Я уже слишком стар, чтобы поспевать за вашими яркими впечатлениями. – Андреев выпустил клуб дыма. – Я попытаюсь ответить на вопросы последовательно. Тамплиеры были арестованы все в один день. У них просто не было времени организовать сопротивление или бежать. Последнее удалось лишь малому количеству счастливицков. Их были единицы. Согласитесь, полицейские операции, подобные той, которую провёл Филипп, часто проводились и в дальнейшем – и практически все они окончились успехом внезапно нападавшей стороны. Всё было чётко просчитано и грамотно организовано – надо отдать должное подлому таланту Гийома де Ногаре. Что касается несметных богатств ордена, то эта тема сильно мистифицирована. Да, тамплиеры были богаты, но легенды об их несметных сокровищах, вывезенных с Востока, не имеют под собой никаких оснований. Всё имущество тамплиеров было арестовано королём и описано. Его размеры были не так уж скромны, но они явно не вязались с мифически-

ми объёмами сокровищ, приписываемых ордену. Как всегда, недостаток информации сыграл на руку больному человеческому воображению, которому свойственно преувеличение. Эпизод с золотым обозом в ночь перед арестами, скорее всего, является плодом чьего-то воспалённого воображения. Его существование не подтверждено никакими документальными свидетельствами, а его следы так никогда и не были найдены. И наконец, почему многие, я подчеркну, многие, но далеко не все храмовники признались в приписываемых им религиозных преступлениях. Они просто пытались спастись. Признавая выдвинутые против них обвинения, тамплиеры были уверены в том, что заслужат прощение и искупление вины, которой не было. Королевские законники не жалели уверений в том, что так оно и произойдёт, идя тем самым на откровенный обман. Тех же, кто не хотел признаваться в том, что не совершал, ждали пытки, после которых их либо заставляли признаться, либо обрекали на долгую и мучительную смерть. Вспомним печальную истину признательных показаний, о которой говорил один из тамплиеров: «Пытка спрашивает – боль отвечает».

Таковы законы реального, а не художественного исторического жанра. Коварство, предательство и жестокость одержали верх над благородными рыцарскими идеалами служения христианству. Это исторический факт, как бы мы к нему ни относились.

– Опираясь на вашу логику, – сказал я, – следует откинуть

любые варианты связи тамплиеров или последователей тайной орденовой организации с масонами. Ведь многие масонские ложи, включая розенкрейцеров и членов шотландской ложи, утверждали, что тамплиеры были их предшественниками, что именно скрывшиеся от преследования храмовники в дальнейшем образовали первые тайные общества «вольных каменщиков».

Андреев нахмурился, недовольный моей настойчивостью: – Многочисленные масоны не имеют никакого отношения к тамплиерам. Всё это игра в традицию или, точнее сказать, желание её обрести. По большому счёту, все эти масонские ложи есть лишь группы людей, которые, играя в таинственность, пытаются тем самым поднять свою значимость в глазах других, убедить всех в том, что они обладают некой тайной властью. Масоны очень эффективно использовали человеческую страсть к тайне, эксплуатируя её в большинстве случаев ради всё тех же денег. Естественно, ради достижения необходимых результатов масонам нужна была легенда их возникновения и организации. Именно поэтому появился абсолютно целенаправленно созданный и поддерживаемый миф о связи масонов и тамплиеров. Мало того, масоны нашли мистические связи тамплиеров с местом, где находилась их главная резиденция, с Храмом царя Соломона. Эти профессиональные любители таинственности утверждали, что храмовники стали наследниками неких мистических знаний древнего царя Соломона и мифического стро-

ителя Храма мастера Хирама. Но, как это ни печально звучит для многих сторонников этой сказочной версии появления масонов, все эти рассказы с научной точки зрения являются полным бредом. Они не выдерживают никакой исторической критики. Да, в истории ордена Храма есть неоднозначно трактуемые факты, но это абсолютно не значит, что историю этой организации необходимо превращать в путаную череду мистических отношений и событий. – Андреев заметно волновался, а его слабый старческий голос приобретал более жёсткие, металлические нотки. – Доходит до того, что многие околоисторические исследователи утверждают, что тамплиеры уже в Средние века обладали знаниями того, что земля круглая, и даже неоднократно плавали в Америку и спрятали там свои сокровища.

Я пожал плечами:

– Эта легенда имеет под собой свои исторические основания. Васко да Гама, Генрих Мореплаватель и даже Христофор Колумб были членами ордена Христа, португальской организации, которая брала своё начало в португальском доме ордена Храма.

Андреев возмущённо фыркнул на моё замечание, нервно пустив клубок табачного дыма.

– Всё это из области абсолютно бездоказательных измышлений, молодой человек. В исторической науке не должно быть никакой профанации. Учёные, если они дорожат своим высоким званием, обязаны оперировать только теми факта-

ми, которые имеют четко подтверждённую интерпретацию. Люди, не способные или не желающие увидеть истину, ловят её тень, бессмысленно жертвуя правдой во имя бесплодных и ложных идей. Когда человеку нужны лёгкие объяснения, он никогда не будет читать научных книг, а скорее окунётся в художественную литературу, чтобы найти в ней не попытку объяснения, а увлекательный сюжет. Всегда существует выбор – можно живописать историю рыцарей Храма в стиле Мориса Дрюона или играть в неё как Умберто Эко, а можно её сделать объектом научного знания, и тогда упорно и настойчиво, камешек за камешком, отмечая всё бездоказательное и неподтверждённое, строить здание исторической истины... Выбор за вами.

Андреев снова выпустил сизый клуб табачного дыма и выжидательно посмотрел на меня. Я не мог остановиться – скорее всего, уже из вредности, чем из принципа. Что поделаешь, в моём и так совсем не сахарном характере скрывались эти маленькие пакостные нотки. У меня оставался последний, наверное, самый весомый аргумент в нашем споре:

– Василий Алексеевич, недавно я читал вашу очень интересную и содержательную книгу под названием «Рыцари Храма». Её трактовка истории тамплиеров серьёзным образом отличается от заявленной вами сейчас.

Я не ожидал такой бурной и скорой реакции академика. Он ещё раз презрительно фыркнул и бросил на меня испепеляющий, гневный взгляд.

– Эта книга, к сожалению, самое худшее творение в моей научной практике! – в сердцах воскликнул Андреев, добавив эмоций отчаянной жестикуляцией. – И в том, что у вас сложилось превратное представление об истории ордена Храма, я должен винить, наверное, самого себя. Никогда не стоит ввязываться в сомнительные проекты... На будущее, молодой человек, я убедительно вам советую обратить внимание на другие мои книги.

Сергей, видя, что мы с академиком добрались до точки кипения, и мой спор с Андреевым приобретает черты не нужного никому препирательства, решил выступить посредником и прекратить мои попытки проверить научные убеждения академика на прочность.

– Василий Алексеевич, я думаю, нам стоит обсудить сейчас некоторые вопросы, связанные с телепроектом. К фактической стороне истории ордена Храма мы ещё вернёмся позже.

И Сергей с головой погрузился в тему составления проекта сценария, определения круга привлекаемых к сотрудничеству лиц, распределения обязанностей участников проекта, очерчивания необходимого объёма исторического материала и его источников. Настроение Андреева, слегка подпорченное моим дилетантским вмешательством, постепенно стало улучшаться и совсем изменилось в положительную сторону, когда он узнал предполагаемую сумму гонорара. Мы ещё долго обсуждали все детали организации програм-

мы, стараясь обходить содержательный аспект. Составление сценария программы было поручено Верхову, который вместе с Андреевым должен был расписать основные вопросы сюжета передачи. В перерыве долгой беседы повеселевший академик даже сам сварил и угостил нас кофе, с удовольствием и гордостью поведал, что особый рецепт приготовления этого напитка он узнал в Турции, когда принимал участие в совместной советско-турецкой научной экспедиции на гору Арарат. После кофе он ещё долго рассказывал нам о том, где побывал и что повидал в своей жизни.

Когда мы попрощались с Андреевым, было уже одиннадцать часов вечера. Выйдя на улицу, Сергей укоризненно бросил мне:

– Руслан, ты бы понежнее вёл себя со старыми академиками. А то распугаешь всех. Где мы потом насобираем заслуженных и уважаемых?

– Ты прав, – вздохнул я, – но, боюсь, с Андреевым у нас всё тайное в истории станет явным. Про другие версии и интерпретации истории ордена придётся забыть. С нашей стороны это будет великим упущением.

Сергей хитро улыбнулся:

– А зачем нужны редакторы? Ты не представляешь, какая сила заключается в, казалось бы, простых предметах – ножницах и клее. Нужна тайна – она будет у нас!

– Бедняга Андреев. Он даже не подозревает, что против него уже плетут телевизионный заговор, – полушутя сказал

я.

– Успокойся. Бедняга Андреев будет доволен. Никто особо не покушается на его мнение.

– Это не мнение. Это сильно аргументированная научная позиция. Странно только одно... Эта книга...

– Та книга, которую ты прочитал недавно?

– Да, его книга. Книга, которую он написал двадцать один год назад.

Сергей пожал плечами:

– Станный человек. Не понимаю, как можно так не любить то, что написал, даже пусть с тех времен твоя точка зрения сильно изменилась.

– Я бы понял, если у человека за такой долгий период так сильно изменился взгляд на исторический объект, но в ней чувствуется другое... настроение.

– Настроение? – удивился Сергей.

– Да, настроение, стиль, мировоззрение, способ мышления – назови это как угодно... Не Андреев написал эту книгу.

Сергей удивлённо посмотрел на меня:

– Как? А кто же?

– Я думаю, книга от начала до конца написана его соавтором, неким Полуяновым. И чувствуется, что этот человек в своё время был тесно связан с академиком, а сейчас тот его сильно недолюбливает.

Сергей бросил на меня встревоженный взгляд и сухо

спросил:

– С чего ты взял?

– Это видно хотя бы по той реакции, которую вызвал мой вполне безобидный вопрос. Кстати, я, хоть и не считаю себя абсолютным профаном в современной историографии, никогда раньше не слышал этой фамилии. В университете он не преподавал. Наверное, это был какой-нибудь аспирант... Обыкновенное дело, молодой учёный в качестве особой благодарности за успешно организованную публикацию берёт в соавторы своего научного руководителя. Этаким взаимно полезный научный симбиоз.

Сергей активно закивал, откровенно зевая и посматривая на часы:

– Да, похоже на это.

– Может, узнать, кто такой Полуянов?

Сергей с большим сомнением посмотрел на меня, глаза его подозрительно забежали.

– Не думаю, что это понравится Андрееву, – настороженно сказал он.

– Ты прав, – согласился я, но про себя решил всё-таки навести кое-какие справки.

– Ладно, созвонимся. – Сергей махнул рукой на прощание и бросился ловить машину в центр.

Глава 4

Я откровенно волновался перед встречей с Кариной. Волновался, как подросток, пригласивший свою первую любовь в кино, зная, что сегодня они будут вдвоём, и она будет оценивать то, как он одет, как он ведёт себя, как он умеет говорить и шутить. Что может быть опаснее для увлечённого мужчины, чем придирчивый взгляд его избранницы, которая с особой, понятной только женщине, логикой будет проводить его всестороннюю оценку. Конечно, никакие мелочи не пройдут мимо всевидящего женского ока, но что из этих мелочей станет для неё существенным, а что покажется совсем неважным? С точки зрения мужчины предугадать это сложно. Иногда даже красивая, с женской точки зрения, форма мочек уха может решить вопрос симпатии. Или это очередная мужская иллюзия?

Я повертелся перед зеркалом. Мужчины, будучи одни, иногда позволяют себе такие слабости. В принципе, хорош. Конечно, я не мачо и не утончённый аристократ, тело моё далеко от совершенства, а рост всего лишь чуть выше среднего, манеры и привычки мои скорее рабоче-крестьянские, чем дворянские, но комплексовать по этому поводу уже нет никакого желания и, что более существенно, времени. Не тот возраст. Причёсан, побрит, надел новую рубашку, и вот сейчас даже одеколоном на себя побрызгаю. Практически готов.

Бью копытом в предвкушении торжественной победы.

На столе немим укором лежала грудa бумаг. Я совсем забыл про диссертацию. Между тем мой творческий отпуск рано или поздно должен был закончиться. Я бросил грустный взгляд на календарь и обведённую фломастером дату – двадцать девятое июня. Я подумал о том, что к назначенному сроку не успею закончить текст. Это было печально, но почему-то сейчас меня это мало волновало. Я ждал вечера и надеялся, что он оправдает все мои ожидания. Настало время восстановить в памяти тот порядок необходимых действий, который называется ритуалом ухаживания. В этом плане я обладал чрезвычайно скудным воображением. Будучи активным домоседом, я слабо разбирался в многообразии культурных точек столицы и надеялся на хороший экспромт и вдохновение.

Она была красива. Это я понял, увидев её, стоящую около выхода из метро. Красива по-особому. В ней не было яркой шикарной красоты юга или тихой простоты и привлекательности севера, её красота не была эмоционально кричащей, но в то же время она не была похожа на обаятельную скромницу и недотрогу. Не слишком современна, но и не старомодна, не пустышка, но и не занудная умница с набором характерных эмансипаций как бы интеллектуальной женщины. В ней не было тех разных условностей, которые калечат образ любой женщины, пытающейся походить на кого-то или что-то. В ней не было фальши. Она была красива, потому,

что она была сама собой, такой, какой она мне и понравилась.

– Привет. – Я сразу же поцеловал Карину и бросил свой взгляд на часы. – Я опоздал?

– Нет. – Она улыбнулась. – Это просто я пришла раньше.

– Я думал, девушки обычно опаздывают.

– Не все.

Я неуверенно потоптался на месте, пытаюсь придумать, куда мы могли бы сейчас отправиться. В этот солнечный безоблачный день я бы с удовольствием пошёл и выпил хорошего, холодного пива. Ничего более приличного мне на ум не приходило. Но разве можно было так начинать знакомство с интеллектуальной и воспитанной девушкой? Карина спасла ситуацию, взяв инициативу в свои руки.

– На Крымском Валу открылась выставка графики. Может, сходим туда? – неуверенно спросила она, чувствуя, как я лихорадочно и бестолково пытаюсь сообразить, какую культурную точку столицы надо выбрать для посещения.

От метро «Кропоткинская», места нашей встречи, это было совсем недалеко, и мы отправились туда пешком. Карина взяла меня под руку. Как и любой другой мужчина, я шёл гордый и довольный тем обстоятельством, что рядом со мной идёт такая красивая девушка.

– Как твоя диссертация? – задала Карина, казалось бы, дежурный вопрос.

– Да ничего, продвигается, – вяло ответил я, лишний раз

отметив про себя, что скоро любой невинный вопрос про диссертацию будет вызывать во мне острое чувство вины и раздражение на свою лень.

– Ты будешь кандидатом исторических наук?

– Да, но до этого и для этого надо ещё много что сделать. – Я усмехнулся, пытаясь придать нашему разговору шутейный тон. – Для начала надо написать хотя бы текст.

– Мне кажется, у тебя всё получится. Ведь это важно для тебя, – с самым серьёзным видом заметила Карина.

Я кивнул и улыбнулся. Я видел её глаза, добрые, желательные, открытые. Меня очень тронуло это абсолютно естественное и нелицемерное чувство сопереживания и обеспокоенности моей научной судьбой. Сам я довольно скептически относился к перспективам своей учёной карьеры, придавая всему, что связано с обучением и наукой, скорее аспект хобби, нежели практический характер. Наличие или отсутствие учёной степени вряд ли могло серьёзно повлиять на мою повседневную жизнь, работу, мои отношения с друзьями и коллегами. Все мои диссертационные хлопоты, а самое главное, их конечный результат так мало были связаны с реальной жизнью книготорговца Кондратьева, что любой искренний интерес к этой теме вызывал во мне чувство благодарности. Вдохновлённый этим обстоятельством, я всю дорогу рассказывал Карине о мировоззрении людей средневекового общества. Она внимательно слушала, задавая вовремя и к месту умные вопросы. Впервые я видел де-

вушку, которая не только позволяла мне рассказывать себе о таких далёких и путаных материях, как миропонимание исторического человека, но и с интересом участвовала в диалоге. Я всё больше осознавал, что Карина особенная, её женская проницательность удачно сочеталась с логикой пытливого мышления, а её красота была неотделима от её глубокого, острого, но в то же время такого женского ума.

На выставке были представлены графические работы совсем незнакомых мне современных художников. Мы долго бродили по полупустым залам и разглядывали картины. У меня никогда не было особенного художественного чувства. Мне сложно было аргументировать, какая картина хорошая, а какая плохая. Просто мне что-то нравилось, а что-то нет, причём я никогда не мог ни эмоционально, ни разумно подкрепить свои предпочтения. Это нравится, а это нет – вот и всё тут.

Карина, показывая на какие-то картины, спрашивала моё мнение. Я поддакивал, многозначительно кивал, пытаюсь имитировать некую заинтересованность. Карина лишь улыбалась в ответ, видя, как я, театрально сдвинув брови, разглядываю какую-нибудь картинку с зарисовками черноморского побережья. Увидев, как я очередной раз зевнул в кулак, она дипломатично заметила:

– Думаю, тут нет больше ничего интересного.

Мы уже шли к выходу, как вдруг она остановилась у одной работы. Небольшая картина, выполненная как зарисов-

ка. Долина, покрытая редким лесом, а в центре на высоком скалистом холме полуразрушенный готический средневековый замок с высоким донжоном. Непрístupные стены, как будто являвшиеся продолжением скал, были вырисованы с особой тщательностью, так же как и башня донжона, лишённая крыши, но сохранившая дотошно восстановленные на бумаге чёрные следы пожара. Художник, видимо, пытался с особой достоверностью восстановить вполне определённый образ исторически реального заброшенного жилища средневекового феодала – и это ему удалось. Профессионально выполненная работа на весьма распространённую тему вида средневековых замков. Ничего необычного. В плане тематики и исполнения картина была типична, если не сказать заурядна. Но что-то привлекло внимание Карины в ней. Она с явным любопытством разглядывала её, изучая детали. «Н.Румянцев. Замок» – было написано под рисунком.

– Красивый вид, – задумчиво сказала Карина, посмотрела на моё кислое лицо и решила: – Но, я вижу, нам пора.

Когда мы вышли на улицу, я сразу предложил зайти в ближайшее приличное кафе, которое знал. Искусство искусством, а подкрепиться никогда не помешает, подумал я, мудро рассудив, что нигде так успешно нельзя продолжить свидание, как в милом и уютном кафе.

Сразу заказал себе холодного пива. Я говорил о живописи. Рассуждать о прекрасном, потягивая прохладный живой напиток, было куда приятнее, чем бегать по галере-

ям, это прекрасное изучая. И хотя познания мои в художественном искусстве были более чем скромны, своими замечаниями на тему живописи я просто хотел заинтересовать свою королеву сегодняшнего дня. Карина увлечённо слушала меня. Её искренняя заинтересованность меня окрыляла, и я, вдохновлённый пониманием и расположением красивой девушки, готов был говорить и говорить, пытаюсь произвести на неё впечатление.

– Иногда чёрно-белое графическое изображение несёт в себе куда больший заряд художественного смысла, нежели какая-нибудь акварель или масло, – говорил я, увлекаясь темой. – Бедность в цветовой гамме заставляет обращать больше внимания на технику исполнения и красоту линий. Чёрно-белая простота, оставляя в стороне цветное восприятие, делает художественный образ более чётким и завершённым и концентрирует внимание на его основной идее. Мне кажется, графический рисунок в своём искусном и правильном исполнении есть искусство для разумного восприятия в отличие, скажем, от картины в цвете, дающей пищу художественному впечатлению. Чёрно-белая бедность выпукла, разумна и человечна, тогда как богатая палитра практична, чувственна и природна. В окружающей нас природе нет чёрно-белого противопоставления, там вообще нет, и не может быть цветового столкновения, природа живёт многообразием и богатством красок. Человек же пытается природное разнообразие заключить в рамки чёрно-белой дихотомии, раз-

бавленной для жизненности непонятной и большой массой серого, – человеку так легче ориентироваться, так понятнее и проще. Этот разумный принцип используется везде – в познании, искусстве, морали.

Карина заинтересованно посмотрела на меня, как будто услышав то, что и ожидала услышать от меня.

– Ты хочешь сказать, что в мире нет абсолютов? И точно так же, как нет белого и чёрного, так нет добра и зла. И только человек использует эти понятия для удобства, создавая свой моральный мир? – спросила она.

– Да, примерно именно об этом я и хотел сказать, – ответил я, ещё раз отметив про себя удивительную проницательность Марины.

– Любой искренне верующий человек, наверное, поспорил бы с тобой, – задумчиво произнесла Карина. – Моя бабушка всегда говорит, что человеку нельзя ставить под сомнение то, что от него не зависит, и то, от чего он может зависеть сам.

– Мудрая бабушка, – сказал я. – Но где-то я уже слышал это...

– Может быть. Моя бабушка изучает историю Древнего мира.

– Твоя бабушка историк? – Я оживился. – Так, значит, мы с ней коллеги. И чем она занимается?

– История древних финикийских городов и Карфагена.

– Неординарно. Весьма неординарно. Бьюсь об заклад,

специалистов в данной области у нас в стране можно пересчитать по пальцам.

Карина только улыбнулась.

– Да, по пальцам одной руки... Моя бабушка всегда хотела быть оригинальной и ни на кого не похожей. Причём во всём... Обычно ей это удаётся.

– Уже сейчас представляю себе яркую, экстравагантную, активную старушку, и непременно в женской шляпке.

– Что ты, совсем нет! – Карина рассмеялась. – Она маленькая седая умная женщина. А шляпки она вообще терпеть не может. Не её стиль, говорит. Она любит ирисы, как и я, и с удовольствием готовит борщ с пампушками. Говорят, раньше она делала это практически каждый день. Но после того как потеряла своего сына, моего отца, она это делает очень редко, только тогда, когда я к ней приезжаю в гости... Бабушка говорит, что раньше она готовила только для сына, а теперь – для меня. Я у неё единственная внучка... Когда я бываю у неё и ем её знаменитый борщ с пампушками, она сидит рядом и смотрит на меня. Говорит, что в этот момент я особенно похожа на своего отца.

– А твой отец?... – нерешительно спросил я.

– Я его практически не знала. Когда его не стало, я была совсем маленькой, – как-то отрешённо и грустно ответила Карина, отводя глаза.

После кафе мы долго гуляли по улицам центра города. Спешащие куда-то автомобили, торопящиеся жители мега-

полиса, шум большого города – мы не замечали всего этого, это было не с нами, это было даже не рядом, а где-то за стеной, в другой, обычной жизни, казавшейся такой далекой и ненастоящей. Нам было хорошо вместе. Карина, доверчиво прижавшись ко мне, с улыбкой на губах слушала, как я, поймав вдохновение слова за хвост, всё говорил и говорил. О Москве, о книгах, о фильмах, о дальних странах и загадочном слове «корнет-а-пистон», которое, как, оказалось, имеет вполне определённый смысл.

Мы не заметили, как включили фонари. Иллюминация вечернего города раскрасила улицы в разноцветный яркий свет. Суевающийся деловой дневной люд потихоньку уступал город вечернему народу, разноликому, праздному и работающему, печальному и весёлому, но уже не такому одинаковому, как был днём. Мы молча стояли, сцепившись руками, и совсем не хотели расставаться. Мы не успели надышаться друг другом, мы не успели почувствовать друг друга, мы не хотели порознь, в одиночку провести этот вечер. Для того чтобы это изменить, нужно было немного – один вопрос и один короткий ответ. Но так всегда страшно и так всегда жутко волнительно задавать этот, такой разный по форме и содержанию, но всегда такой ясный по смыслу, единственный вопрос дорогому человеку, которого ты не можешь и не должен вот так отпустить. Я потёр нос – признак волнения – и смело, как мне показалось, выдохнул:

– Может, чаю... или там, чего ещё... У меня дома есть

прекрасный чай...

Совсем не думал, что буду бояться, обычно мне это давалось совсем легко и непринуждённо. Я стушевался, хотя её глаза не могли меня обмануть, не должны были меня обмануть. Она сказала: «Да».

Прошла неделя согласованного с Ракицким срока, когда я должен был принести очередные страницы своей диссертации. Но работа продвигалась совсем неважно, я не мог сосредоточиться, в голове царил сумбур и лёгкое, весеннее, несмотря на время года, настроение. С непременным желанием повиниться за своё нерабочее поведение я и отправился в университет, думая встретить Ракицкого на кафедре.

На кафедре никого не было, кроме лаборантки Марины. И хотя Марине было уже за пятьдесят, никто никогда её не называл по отчеству. Она работала на кафедре уже очень давно. Я помнил её грозный взгляд ещё с тех времен, когда восемнадцатилетним первокурсником появился на кафедре. Тогда она мне казалась чрезвычайно серьёзным и важным лицом в маленьком научном сообществе отдельной кафедральной комнаты. И только впоследствии, на старших курсах, когда мы познакомились поближе, я открыл в этой строгой, на первый взгляд, женщине весёлого приятного собеседника и очень доброго, открытого человека.

Высокая, полная Марина сидела у компьютера и что-то сосредоточенно набивала одним пальцем.

– Здравствуй, Русланчик, – весело прощebetала она, увидев меня в дверях комнаты. – Заходи, заходи... Чаю хочешь? Только вскипел.

– С удовольствием.

Марина вскочила из-за стола, достала из шкафа две старенькие чашки и пачку печенья.

– Компьютер новый на кафедре появился. Это какой прогресс с последнего-то! Сколько ж я раз им говорила: замените, а не то кувыркнётся в самый неподходящий момент, а там бланки, формы и ещё бог знает что. Ну, вот купили. Спасибо нашим молодым, а то старички ходят только да плечами пожимают – они всё ещё на счётах считают да на печатных машинках стучат... Как у тебя дела-то? Защита скоро?

– Надеюсь, через полгода. Но написать ещё надо, – грустно заметил я.

– Не из последних дураков – напишешь, никуда не денешься.

– Надеюсь... А Ракицкий сегодня не появлялся?

– Не будет сегодня Петровича. Позвонил с утра – заболел, просил отменить все занятия и консультации. А ты к нему? Ты бы предварительно поинтересовался по телефону, а то, видишь, без толку приехал.

– Ну почему же без толку. Я, может, к вам заехал – проведать, поболтать, чаю попить.

Марина рассмеялась.

– Ну да, ну да... Дождёшься от вас внимания! – прыснула

она, а потом участливо спросила: – Вопрос-то серьёзный? Может, созвониться со стариком?

– Да нет, ничего срочного. Прочитал по его рекомендации книжку, хотел поинтересоваться насчёт других работ автора.

– Кто такой?

– Полуянов... Не слышали?

Марина на минуту задумалась, с любопытством посмотрев на меня.

– Полуянов? – заинтересованно переспросила она.

– Он самый.

– Да-а, – протянула Марина, отхлебнув чая. – Был такой у нас на факультете в своё время.

– Полуянов окончил исторический факультет? – заинтригованно спросил я.

– Учился у нас, потом закончил аспирантуру, защитил диссертацию. Как же его звали?.. Слава, Вячеслав, кажется.... Научным руководителем у него был сам Василий Алексеевич Андреев, наш академик. Ну, этого-то знаешь, наверное.

Я кивнул.

– А на какой кафедре он учился?

– На нашей, конечно, – ответила Марина, обратив внимание на моё удивлённо-озадаченное выражение лица. – Именно поэтому я и запомнила его. Знаешь, сколько народу я пересидела на факультете – всех не упомнишь... Но своих, кафедральных, большинство я всё-таки помню. Я тогда только

на работу устроилась. В тот год был очень хороший выпуск. Интересные, умные были ребята. Полуянов числился в любимчиках у Андреева. У них и тема исследования была одна и та же. Какой-то средневековый орден крестоносцев...

– Орден Храма, тамплиеры?

– Точно, они самые... Чаю ещё хочешь?

– Не откажусь, – сказал я, обнаружив, что чашка моя опустела, а в руке осталось надкусанное печенье.

– Полуянов был красивым парнем. Высокий, темноволосый, зеленоглазый, всегда аккуратно одет, девочкам очень нравился. – Марина налила ещё две чашки чая и не без особой гордости прибавила: – К тому же умный.

– И где же сейчас этот красавец и умница?

– А кто его знает... Исчез.

– Как исчез?! – удивился я.

– Так и исчез, – ответила Марина, тяжело вздохнув. – В восемьдесят третьем, если мне не изменяет память, его как перспективного учёного отправили в научную командировку во Францию. Я сама готовила справки, характеристики на него. Уехал на несколько месяцев и не вернулся. Здесь у него остались жена, малолетний ребёнок.

– Сбежал?

Марина неуверенно пожала плечами:

– Говорят, сбежал. Помню, приходили вежливые люди в штатском из КГБ, общались с преподавателями и однокурсниками Полуянова, чай пили... Вот за этим же столом сиде-

ли. Один такой рыжий, кучерявый, анекдоты всё рассказывал. Его я хорошо запомнила – уж слишком весёлый был для такой серьёзной организации. Потом забрали все документы по Полуянову и ушли. Андреев и заведующий кафедрой получили строгача по партийной линии. Но шума большого не было, и об этом деле решили поскорее забыть. Зачем лишний раз привлекать внимание к факультету.

– А как же сам Полуянов?

– Не знаю. С тех пор его никто не видел и не слышал. Пропал... – Марина сделала паузу. – Я вот думаю, если человек сбежал, должен же он был хоть как-то объявиться, дать о себе знать. Ну, пусть раньше он боялся, но ведь уже почти двенадцать лет ни КГБ твоего нет, ни Советского Союза. А о человеке ни слуху ни духу. Может, его уже и нет давно в живых. Странная история... Может, ещё чаю?

Я посмотрел на часы и отрицательно покачал головой:

– Мне уже пора.

Марина печально вздохнула. Ей было скучно одной на кафедре, и она с удовольствием поболтала бы со мной ещё о чём-нибудь.

Выйдя из здания университета, я направился в библиотеку. И хотя дома меня ждала моя многострадальная диссертация, я решил дочитать книгу Полуянова до конца.

Драматическая судьба автора только подогревала мой интерес к этому труду. На страницах этой книги везде были разбросаны вопросы, ответов на которые не было.

Автор с восторгом культивировал и подогревал мистическую тайну рождения, жизни и смерти ордена, все выводы оставляя на совести читателя. Белые и чёрные одежды, патетика бескомпромиссной войны за веру, самоотречение от мира и откровенное стяжательство, самоотверженный героизм и банальный, грубый разбой, пример высокого служения идеям христианства и тайный культ осквернения Креста с поклонением идолу Бафомету, честность, верность идеалам и предательство – всё это в наивысших своих формах нашло отображение в истории ордена, представляя из себя замысловатый, загадочный клубок отношений. Иногда складывалось впечатление, что существовало два ордена. Один верой и правдой служил Христу, показывая яркий пример религиозного подвижничества, а второй, прикрываясь именем своего близнеца, был создан для выполнения загадочной тайной миссии, смысл которой так и остался неясен. Почему тамплиеры часто действовали вопреки воле и логике крестовых походов? Существовали ли на самом деле тайный культ ордена Храма и идол, которому они поклонялись? В чём истинная причина гибели ордена и общего смирения перед обстоятельствами? Вопросы, в книге были только вопросы...

Глава 5

Верхов уговорил меня начать работу над телевизионным проектом вместе с ним. Своё согласие я дал без долгих раздумий. Признаюсь, я и сам этого хотел – я всё больше и больше интересовался историей ордена Храма.

Сергей познакомил меня с Кубаревым. Небольшого роста в дорогом клетчатом пиджаке, шустрый, вечно торопящийся куда-то человек с кричащими манерами и снобизмом телевизионщика. Кубарев, забравшись в своё большое кожаное кресло, выслушал наши предложения и, когда мы закончили рассказывать, удовлетворённо хлопнув в ладоши, торжественно объявил:

– Подходит! Будем работать... Только старичка своего подготовьте. Я так понял, что он из марксистов-материалистов. А нам нужна интрижка и дыму, дыму побольше. Народу это нравится.

Верхов повеселел.

– Так что давайте, ребята, за работу. – Кубарев встал и посмотрел на часы. – Через неделю жду ваши предложения по сценарию, варианты текста, картинки и так далее. И попробуйте найти ещё какого-нибудь специалиста в качестве говорящей головы. А потом будем подбирать группу и – вперёд!

Жизнь завертелась. В короткие сроки мы должны были подготовить и представить свои идеи. Чем больше я узнавал

об истории Ордена Храма, тем больше меня захватывала эта тема. Я отложил свою диссертацию и дни напролёт проводил в библиотеке, читая книги о тамплиерах.

Никогда ранее ни по одной из исторических тем я не встречал такого огромного расхождения во мнениях. Для одних, тамплиеры были истинными рыцарями, духовными воинами Христа, которые отдавали свою жизнь ради идеалов освобождения Гроба Господня, но были коварно преданы светской и духовной властями, боявшимся усиления крестоносного воинства. Для других, орден Храма представлял собой тайную организацию идолопоклонников и еретиков, удачно маскировавшихся под истинных служителей церкви и заслуженно понёсших тяжёлую кару за свои преступления перед Богом и Церковью. Для третьих исследователей, посвятивших время изучению мелких исторических деталей и игнорировавших решительные выводы, орден был всего лишь удобным историческим объектом, препарирование которого приносило определённые научные дивиденды. Четвёртые, самые многочисленные авторы, сосредоточившись на мистической стороне истории ордена, пытались доказать существование особых отношений между тамплиерами, масонами и тайными организациями древности и современности. История тамплиеров стала странным фетишем исторической тайны. Большой интерес к этой теме эксплуатировался даже разработчиками компьютерных игрушек, которые из исторической трагедии делали квесты и стратегии.

Андреев, узнав о перспективах проекта, был очень доволен. С Верховым мы несколько раз заезжали к нему посоветоваться и обсудить материал. Чувствовалось, что старику не хватало внимания, не простого человеческого внимания, которое часто требуется пожилым людям, а профессионального научного интереса к его мнению, его позиции. Историческая наука была его жизнью, с изучением истории у него было связано всё. И он не разделял себя и свою профессию. Материальная и даже моральная оценка труда интересовала его меньше, чем сам процесс изучения и обсуждения темы. Академик с огромным удовольствием беседовал с нами, хотя не обходилось и без споров. В моих с Андреевым стычках Верхов неизменно оставался мудрым арбитром, который мог успешно обойти острые углы и погасить разгоравшийся костёр противостояния. К Верхову академик особенно благоволил, называл его не иначе как «Серёженька», тогда как ко мне чаще всего обращался просто «молодой человек», а имя вспоминал только в особые минуты расположения. Меня он недолюбливал, хотя до открытых столкновений вне научного обсуждения, препирательства не доходили.

Старик в качестве необходимого отступления от темы, за чашкой турецкого кофе, который он готовил на удивление хорошо, любил рассказывать о своих научных экспедициях. В эти минуты на него нападало благостно-ностальгическое настроение, и он мог долго, попыхивая вкусным английским табаком, рассказывать об особенностях новгородской бере-

стояной письменности или вооружении монгольского воина времён Чингисхана.

Вопрос о книге Полуянова я больше не поднимал, но меня так и подмывало поинтересоваться у Андреева насчёт отношений с бывшим учеником. Сильное любопытство снедало меня изнутри. Я прекрасно понимал, что этот разговор был бы Андрееву очень неприятен, и даже знал почему, но в ответственный момент всё-таки не смог сдержаться. Однажды Верхов поинтересовался у академика, много ли у того было учеников, и чем они впоследствии занимались. Андреев стал с удовольствием перечислять фамилии профессоров и учёных знаменитостей, которым он, по его словам, дал путёвку в жизнь. В этом длинном списке фамилия Полуянова, естественно, отсутствовала. И тут я не преминул вставить:

– А как же Вячеслав Полуянов?

Я действительно не хотел ничего плохого, фамилия бывшего ученика Андреева просто сорвалась у меня с губ. Негативную реакцию Андреева несложно было предугадать. Он сразу же замолчал и посмотрел на меня жёстким, почти ненавидящим, взглядом. На несколько секунд в комнате повисла гнетущая тишина.

– Ну, что ж, молодой человек, если вы хотите знать моё мнение об этом человеке, я скажу... – с явным недовольством сказал Андреев. – Да, был у меня такой ученик, талантливый ученик, скажу даже, очень талантливый ученик. У него были великолепные перспективы для продолжения

научной деятельности, но, к сожалению, история, я имею в виду, история как наука, его интересовала мало. Он с головой погрузился в мистику, выискивая в истории не реальную жизнь реальных исторических людей и культур, а тайные знаки, эти химеры научного знания. Все его теории не выдерживали никакого критического анализа и не могли найти никакого исторического подтверждения. Его неуёмное воображение помешало ему стать учёным. То, что случилось с ним впоследствии, лишь печальный итог его ошибок и заблуждений.

– И что же с ним случилось? – спросил я, как будто был совсем не в курсе того, что произошло с Полуяновым.

– Он сбежал на Запад, бросив жену и ребёнка.

– И вы его никогда больше не встречали и не слышали о нём? – не унимался я.

– Нет, не слышал, и слышать не хочу! Как историк он умер и умер уже давно. И прошу вас, больше не будем об этом, – резко ответил академик.

Наверное, я сильно расстроил Андреева, вскрыл его старые раны. В тот вечер старик был особенно раздражителен и молчалив. На вопросы Верхова он отвечал коротко и часто невпопад, подолгу смотрел в окно, о чём-то задумавшись. В итоге он сказался уставшим и выпроводил нас раньше обычного. Когда мы спустились на улицу, Сергей укоризненно помотал головой, заметив:

– Не стоило тебе давить старику на мозоль. У нас есть де-

ло, которое надо сделать, а выяснять никому не интересные детали старых отношений академика можно и в другое время.

В целом я был согласен с Сергеем и чувствовал себя виноватым. Но мне почему-то казался важным этот вопрос отношений Андреева со своим бывшим учеником. Я подозревал, что у Полуянова могла быть какая-то шальная идея истории храмовников, не нашедшая своего отражения в публикациях, и Андреев знал о ней. Коварное любопытство толкало меня в эту загадочную область, грозя окончательно испортить мои отношения с академиком.

С Кариной я теперь виделся почти каждый день и уже с трудом мог обходиться без её голубых глаз, длинных, волнистых тёмных волос, нежного голоса и доброй улыбки. Мне с ней было по-особенному хорошо и спокойно. Мы могли подолгу сидеть на скамейке в парке, и она, положив свою голову мне на плечо, говорила, говорила о самом разном. Рассказывая о новых туфлях или делясь своими впечатлениями о только что прочитанной книге, она поднимала голову и хитро, с улыбкой внимательно смотрела на меня, пытаясь понять, слушаю ли я её. Бывало и так, что, положив мне голову на плечо, она молчала, нежно прижимаясь ко мне. И в этот момент мне казалось, мы были самыми счастливыми людьми на свете, потому что мир, немного замедлив свой бег, теперь крутился вокруг нас. В эти минуты, ослеплённым

и оглушённым своим внутренним покоем, нам казалось, мы были центром и смыслом всего существования, всё происходящее вокруг представлялось неким динамичным фоном великолепной картины, в центре которой были я и она.

Мы встречались где-нибудь в центре города и долго гуляли по тихим улочкам и переулкам летней Москвы. В выходные центр города был тихим и пустынным – толчея и суэта будничной московской жизни исчезала, народ уезжал за город. Без особой цели мы бродили меж старых разваливающихся домов начала прошлого века и солидных кичливых дворцов начала нынешнего. Карина прекрасно ориентировалась в архитектуре Москвы и устраивала мне бесплатные экскурсии, рассказывая о том, что было, и посмеиваясь над тем, что есть. Её мама была архитектором, и потому стили и направления московских построек были для Карины не просто словами, а вполне конкретными формами домов, тихо доживающими свой век где-нибудь в маленьких незаметных переулках рядом с яркими представителями так называемой элитной недвижимости.

За всё это время мы ни разу не были в ночном клубе или на дискотеке. Карина не любила подобные заведения, не переносила громкую музыку и бестолковое многолюдье. Она была не из тех, кто мог отдыхать в таких местах, предпочитая тихие улицы шумным магистралям. В этом мы были схожи.

Мы гуляли до наступления ночи, а потом ехали ко мне. Предварительно Карина всегда звонила домой, придумывая

новый повод и новую подружку, у которой она должна была заночевать. Она чувствовала, что отчим всё прекрасно осознаёт, но таковы были правила игры всех девушек со своими родителями. Я слышал, как отчим тяжело вздыхал в трубку, понимая, говоря: «Ну, что ж, передавай привет подружке...»

Однажды Карина позвонила мне в середине дня. Она радостно объявила:

– Я испекла пирог.

– И? – вопросительно протянул я, подозревая, что сегодня летних экспедиций в центр Москвы не будет.

– И я приглашаю тебя сегодня к себе его попробовать. Ты же не хочешь, чтобы я его съела одна?

– Нет, не хочу. Ты сильно располнеешь.

Карина рассмеялась:

– И ты меня разлюбишь?

– Ну конечно, нет, – уверил её я. – А отчим?

– Он на работе. Будет вечером, – сказала Карина и, смеясь, добавила: – Давай, давай, собирайся, лежебока. И купи что-нибудь к чаю, на всякий случай. Вдруг мой пирог тебе не понравится.

По дороге я купил ирисов, бутылку вина и... конфеты с печеньем (а вдруг, правда, пирог будет не очень съедобным – мне ещё не довелось проверять кулинарные способности моей Карины). Через час я уже стоял на пороге крыльца со старой кованой крышей.

Открыв двери, Карина сразу же бросилась мне на шею с возгласом:

– Руся! Какие же они красивые!

Я понял, что это было сказано о цветах. Карина была сегодня необычайно эмоциональна и воздушна, её по-детски радостное настроение сразу передалось и мне. Взяв у меня цветы, она побежала на кухню за вазой, а я прошёл в гостиную.

Нельзя сказать, что квартира была большой, но она состояла из трёх комнат и кухни. Посередине гостиной стоял старый круглый стол, занимавший собой добрую половину комнаты. В углу рядом с окном стоял не менее старый, массивный пузатый буфет, где за резными тёмными дверцами скрывался простенький светло-зелёного цвета сервиз. На комоде, в другом углу, торжественно расположился телевизор, который в окружающей его старине казался пришельцем из будущего. В комнате было бы совсем тесно, если бы не высокие потолки, которые добавляли всей квартире особого простора. Прилетевшая с кухни Карина торжественно поставила вазу с цветами на середину стола.

– Пойдём. Я покажу тебе другие комнаты.

Комната Карины казалась больше и намного светлее гостиной. С последней она составляла заметный контраст. Здесь было уютно, мягко и тепло. Широкий диван застелен пушистым белым пледом. На стене висело большое овальное зеркало, в которое можно было оглядеть себя с ног до голо-

вы – явный признак того, что в комнате жила девушка. На письменном столе рядом с небольшими плюшевыми мишками лежали книги на немецком языке. В длинном стеклянном стаканчике с весёлыми нарисованными мультяшками аккуратно стояли остро заточенные карандаши. Ручки лежали отдельно в открытой пластиковой коробке. Особое стремление к аккуратности я наблюдал в Карине и раньше. Две большие закреплённые над столом книжные полки были заполнены в основном учебниками и справочниками по иностранным языкам. Среди них я заметил книги не только на немецком и английском языках, которые были профильными у Карины в университете, но и на французском, испанском, португальском и даже норвежском.

– Ты изучаешь все эти языки? – не удержался я от вопроса, бегло осматривая корешки книг.

– Пытаюсь, когда есть время.

Рядом с зеркалом я обратил внимание на небольшую картину, написанную акварелью. Развалины старого замка на высоком скалистом холме. Готическая архитектура, двенадцатый или тринадцатый век. В низине лес и тонкая лента дороги, ведущая вверх прямо к полуразрушенным воротам замка. Я узнал что-то очень знакомое в высокой центральной башне донжона. Под картиной была надпись на французском языке «Впечатления о Лангедоке. Перибю». Странно, но, окинув картину ещё раз своим взглядом, я не нашёл авторской подписи.

– Ничего не напоминает? – спросила Карина.

– Рисунок... – пробормотал я, пытаюсь вспомнить детали. – На выставке графики... Это тот же самый замок, но... с другой стороны. Я прав?

– Да, это он. Развалины замка Перибю. Именно поэтому я тогда обратила внимание на тот рисунок. Удивительно, что два разных художника выбрали этот замок для своих работ.

– Картина из Франции? – спросил я.

– Да. Мне подарил её один художник, француз... Он утверждал, что это развалины замка, принадлежавшего одному древнему и знатному окситанскому роду. Замок был разрушен ещё в тринадцатом веке. Его хозяева имели неосторожность выступить в защиту секты катаров. Замок был штурмом взят французскими крестоносцами и разграблен.

– Катары, «совершенные», альбигойцы, – вслух напомнил я себе об исторической канве события. – Южно-французские еретики, выступавшие против католической церкви и проповедовавшие жёсткий дуализм мира. Для них всё материальное было порождением дьявола, и только в самом отрицании любых предпочтений материальной жизни можно было найти спасение... Интересная и трагическая история... – Я рассматривал запечатлённые на картине старые полуразрушенные стены замка, венчающие высокую скалу, и пытался мысленно сравнить их с видом замка, изображённого на графическом рисунке. – Ты была во Франции?

– Я была там на стажировке... Ладно, пойдём за стол. – Карина решительно взяла меня за руку и потянула к выходу из комнаты.

Выйдя в коридор, Карина на минуту открыла дверь последней комнаты:

– Это комната отчима.

Зелёные обои, большие, до потолка книжные шкафы, полностью заставленные книгами, письменный стол и цветастый диван, явно контрастировавший с кабинетной классикой библиотеки. Это всё, что я мог заметить.

– Вообще он не любит, когда в его отсутствие заходят в комнату. Он тебе сам потом покажет свою библиотеку. Это предмет его особой гордости, – сказала Карина, закрыв дверь.

Мы расположились в гостиной за круглым столом. Я открыл бутылку вина, Карина принесла свой пирог. Это был чудесный штрудель из вишни и яблок. Карина, только чуть-чуть пригубив вина, налила себе чаю и с большим волнением смотрела, как я пробую пирог.

– Тебе нравится? – смущённо спросила она, наблюдая, как я, проглотив один немаленький кусочек штруделя, сразу же принялся за второй.

Я поспешно кивнул, потому что, заняв свой рот куском пирога, не мог ничего сказать. Пирог действительно был очень вкусным, и я, отвыкший от домашней кухни, с огромным удовольствием сметал со стола кусок за куском этого

чудного кулинарного творения. Улыбающаяся Карина сидела с чашкой чая напротив и смотрела, как я ел её пирог. Мне казалось, она была счастлива. Не знаю уж почему, но женщины обычно с огромным волнением и удовольствием смотрят на то, как их любимые мужчины едят блюда, приготовленные ими, особенно если это происходит в первый раз. И в этот момент самой высокой наградой и лучшей оценкой их труда со стороны мужчины будет признание того, что еда была действительно вкусной. Для женщины это признание есть маленькое торжество в невидимом процессе завоевания любимого человека, которое создаёт гармонию и радость отношений. Загадочная женская душа. А может, и нет здесь ничего загадочного, и всё это естественно и просто, а так оно есть, потому что и должно быть так. А в этой простоте и кроется настоящее человеческое счастье.

Я остановил свою прыть в уничтожении штруделя только тогда, когда от него осталась примерно треть.

– Может, ещё? – спросила Карина.

– Уже не могу, – ответил я, допивая чай и виновато оглядывая результаты своего набега. – Я и так практически всё съел, не оставив ничего ни тебе, ни отчиму.

Карина рассмеялась.

– Я сделаю ещё один пирог. Тебе ведь действительно он понравился? – спросила она, желая услышать моё непритворное «да».

– Конечно, – абсолютно искренне сказал я, целуя Карину.

В дверь позвонили.

– А вот и Сергеич пришёл! – воскликнула Карина, бросившись в коридор открывать дверь.

Через несколько секунд в гостиную вошёл среднего роста худой сутуловатый мужчина лет пятидесяти. Это был отчим Карины. Фисташкового цвета костюм, серые волосы с заметной сединой, немного резкие, угловатые движения. Он заинтересованно оглядел меня сквозь толстые линзы своих очков в роговой оправе.

– Евгений Сергеевич, – представился он, протягивая мне ладонь, и улыбнулся. – А вы, значит, и есть та таинственная подружка... Очень рад, очень рад, – изучающе разглядывая меня, повторил он и присел за стол.

Мы познакомились. Евгений Сергеевич Станкевич показался мне на редкость добродушным, весёлым и открытым человеком. Он был филологом, специалистом по французскому и немецкому языкам, и преподавал сразу в нескольких университетах. Узнав, что я историк по образованию и пишу диссертацию, эмоциональный и чрезвычайно общительный Станкевич сразу бросился обсуждать тему моей кандидатской работы. С удовольствием поглощая остатки штурделя, не менее увлечённо он обсуждал проблемы средневековой ментальности, иногда соглашался со мной, но чаще мягко, но твёрдо поправлял меня и высказывал особое мнение. Последнее происходило так просто, незаметно и по-доброму, что я не хотел и не мог устраивать абсолютно ненужную

полемику, лениво соглашаясь или, скорее, делая вид, что соглашаюсь, с доводами Станкевича. Тем не менее я не мог не оценить то, что отчим Карины был очень начитанным и образованным человеком и мог с лёгкостью высокого интеллектуала поддерживать игру мыслями и знаниями даже на чужом поле.

В то время как двое мужчин за бокалом вина обсуждали такие далёкие и такие отвлечённые темы, Карина с улыбкой молча наблюдала со стороны за нашим разговором. Я осторожно следил за ней. Казалось, она была здесь с нами, но в то же время где-то далеко – в мечтах, грёзах, может, в будущем. Взгляд её голубых глаз был задумчив и спокоен.

– Кстати, Руслан, – вдруг заметил Станкевич, – раз уж вы интересуетесь историей средневековой Европы, я хочу показать вам одну любопытнейшую книгу. Она вас должна заинтересовать, – сказал Станкевич, допивая свой бокал вина. – Пойдемте ко мне в кабинет.

Я вновь оказался в комнате отчима Карины. Небольшая комната была практически полностью заставлена книжными шкафами до потолка. Книги лежали и на диване, на столе, на подоконнике. Без сомнения, Станкевич был большой библиофил, и библиотека составляла для него особый предмет гордости. Он стал лихорадочно искать книгу какого-то французского автора, фамилию которого я не запомнил и творение которого Станкевич хотел мне обязательно порекомендовать. Когда он рылся в стопке книг на подоконнике,

я с интересом рассматривал содержимое его книжных шкафов. Тут было всё. Классическая художественная литература в многотомных изданиях, современные авторы в мягком переплёте, книги по филологии и языкознанию, гуманитарная научная литература, энциклопедические словари и даже технические пособия. О многих книгах я знал, некоторые я читал, но большинство я видел впервые. С любопытством изучая корешки изданий, я вдруг натолкнулся на знакомое название. «Рыцари Храма»... Автоматически вытащив книгу, я стал её с любопытством рассматривать. То самое редкое издание, только без грифа для служебного пользования и штампа библиотеки.

– Руслан, никак не могу найти эту забавнейшую книжку. Но обещаю завтра же провести у себя ревизию и всё-таки откопать её... – Станкевич наконец отвлёкся от стопок своих книг на столе и посмотрел на меня. – Вижу профессиональный подход настоящего историка, – заметил он, увидев в моих руках книгу. – Очень редкая книжка, не во всех научных библиотеках она есть.

– Всего несколько дней назад мне пришлось это узнать, – ответил я. – Я с трудом её нашёл.

– Интересуетесь историей тамплиеров?

– Стал интересоваться. В последнее время.

– Любопытнейший исторический сюжет и великая тайна. Хоть в истории и много таких странных страниц, но орден Храма всегда остаётся особой темой.

– Приятно удивлён, что такая редкая книжка есть у вас.

– Ну, этому удивляться надо меньше всего.

Я с интересом посмотрел на Станкевича.

– Автор этой книги был моим хорошим знакомым.

– Вы говорите об Андрееве? – неуверенно спросил я.

– Нет, этот напыщенный академик не написал в этой книге ни одной страницы. Эта ужасная традиция использования научным руководителем своего положения!.. Я говорю о Полуянове.

– Вы были с ним знакомы?! – с удивлением воскликнул я.

– Да, мы даже были дружны в молодости, – сказал Станкевич, обратив внимание на мою живую реакцию, и добавил: – Он был отцом Карины...

Я не сразу понял слова Станкевича. Неподвижным, остолбеневшим взглядом я смотрел на него, не пытаясь даже маскировать своё изумление от услышанного. Наверное, у меня было слишком ошеломлённое выражение лица, потому что Станкевич на мгновение даже смутился той реакции, которую произвёл своими словами.

– Полуянов – отец Карины? – выдавил я из себя вопрос, который был адресован скорее самому себе, нежели с нескрываемым беспокойством наблюдавшему за мной Станкевичу.

– Да... – настороженно ответил Станкевич. – Это старая и странная история... – попытался он объяснить. – Карина практически не знала своего отца... Она вам не говорила об

этом?

– Нет. – Я был очень взволнован и пытался в своей голове совместить воедино то, что, казалось, никогда не должно было быть вместе – Карина и Полуянов, моя девушка и почти мифический персонаж советской историографии, вытянутый на свет историей средневекового ордена.

– Её отец, Вячеслав Полуянов, – продолжил Станкевич, – пропал двадцать лет тому назад. Уехал в командировку за границу и исчез. – Станкевич чувствовал себя сейчас особенно неуютно как от темы разговора, так и от того, что его слова странным образом произвели на меня такое заметное воздействие. – Одно время мы думали, что он сбежал на Запад... Вы понимаете, в те времена это было совсем не редкостью... То есть, я хочу сказать, что бежали многие, бежали по-разному, и с этим были связаны очень драматические и трагические истории личной жизни людей... Хотя, хочу вам сказать, я с самого начала исключал то, что Вячеслав мог бросить жену, ребёнка и вот так скрыться. Не тот был человек Слава. Я его всегда уважал и высоко ценил его профессиональные и личные качества. Он был учёный с большой буквы. Пытливый ум, талант исследователя, способность в любой, даже самой развёрнутой теме найти нечто особенно интересное и неоднозначное. Он умел ставить вопросы и пытался находить на них самые неожиданные ответы.

Станкевич на минуту замолчал.

– Лена очень любила его, – сказал он, вытащил сигарету

и нервно закурил.

Я понял, что речь идёт о маме Карины. Было трудно прийти в себя, в голове всё перемешалось: телевизионная передача о тамплиерах, книга Андреева и Полуянова, встреча с Кариной, которая оказывается дочкой человека, странная полупрозрачная фигура которого с необходимостью возникает в моей жизни всё снова и снова.

– ...ей легче было поверить в то, что Слава пропал без вести или погиб, чем в то, что он бросил её и их маленькую дочку, – говорил Станкевич. – Она ждала его десять лет. Мы думали, что, если он жив, он должен был дать о себе знать. Но все надежды были тщетны. Он так и не объявился...

– Вы знаете об обстоятельствах исчезновения Полуянова? – спросил я неуверенно.

Прежде чем ответить, Станкевич пристально посмотрел на меня, видимо, решая про себя, стоит или не стоит говорить мне вещи, о которых, может быть, лучше и не рассказывать малознакомому человеку.

– Понимаете, Руслан, – начал он, пустив клубок сигаретного дыма, – я знаю об обстоятельствах этого странного исчезновения совсем немного, но то, что мне известно, позволяет мне сделать вывод, что вся эта история очень подозрительна... Слава был отправлен в Европу для работы в архивах. Я знаю точно, что это не было связано с его исследованиями, и что инициатива принадлежала не ему, не кафедре и даже, не факультету. Я не знаю точно, кто отправил его в

Европу, но... Перед отъездом он встречался со мной и мы долго говорили. Когда я спросил его, надолго ли он уезжает, он ответил: «Они заинтересованы в быстром результате, но во времени меня не ограничивают». Кто были эти «они», почему за границу отправился именно Слава, и какой результат ожидали от него? Это так и осталось тайной... Хотя я подозреваю, что тут не обошлось без КГБ.

Я внимательно слушал Станкевича, пытаюсь каким-то образом структурировать всё то, что узнал сегодня от него.

– Поверьте, – Станкевич почти в упор посмотрел на меня, стараясь придать своим словам абсолютную уверенность, – я не шпиоман и у меня нет паранойи по поводу всеобщего заговора спецслужб, но я почти уверен, что именно КГБ тогда, в далёком восемьдесят третьем, отправил Славу за границу. Подозреваю, что именно эта контора имела отношение к его исчезновению, и, скорее всего, как ни ужасно об этом говорить, к его гибели.

– Вы думаете, он умер? – осторожно спросил я.

Станкевич, слегка прикусив губу, немного помолчал, ещё раз сосредоточенно и одновременно доверительно посмотрел на меня.

– Я в этом почти абсолютно уверен и... – Вдруг Станкевич осёкся и замолчал.

В дверях стояла Карина и наблюдала за нами. Без сомнения, она слышала мой последний вопрос и ответ своего отца.

– Чаю ещё кто-нибудь будет, или мне убирать со стола? – растерянно спросила она и, не дождавшись ответа, быстро вышла из комнаты.

Было уже одиннадцать часов вечера. Карина проводила меня до крыльца. Мы долго стояли молча, обнявшись. Мне хотелось о многом её спросить, но я не знал, как это сделать. Я не знал, радоваться или печалиться мне всем вновь открывшимся обстоятельствам. Никогда ранее в своей жизни я не сталкивался с такими странными и невероятными совпадениями.

– Вячеслав Полуянов – твой отец? – наконец решившись, задал я вопрос, зная ответ, но, желая услышать его ещё раз от Марины.

– Да, – ответила она. – Я должна тебе рассказать... – Карина осеклась. – Но только не сейчас, прошу... Мне надо подумать.

Когда она скрылась за дверью подъезда, я недолго постоял на крыльце, разглядывая окно на третьем этаже. Мысль о том, что моя девушка оказалась дочерью таинственного человека, интерес к личности которого у меня возник столь недавно и внезапно, не давала мне покоя. Поразительная случайность или знак судьбы? А может, это совпадение и не есть вовсе совпадение, а представляет собой деталь, эпизод некой партии, автор которой скрыт и недоступен, но от загадочной воли которого зависит любое движение и поступок героев его пьесы. Я посмотрел на небо, стоя посреди

колодцеобразного двора. Темно, пусто и спокойно. Только несколько слабых звёздочек тускло мерцали в вышине.

В переулке как всегда в это время было пустынно. Коряво припаркованные на тротуаре машины, жёлтые фонари и я, не спеша шагающий в сторону оживлённого Садового кольца. Я шёл медленно, полностью поглощённый мыслями о вновь открывшихся чудесных обстоятельствах. Поэтому я не сразу обратил внимание на одинокую фигуру мужчины, стоявшего, как и в первый день нашего знакомства с Кариной, в темноте недалеко от тускло горящего фонаря. От неожиданности я остановился. Высокая тёмная фигура с мерцающим огоньком сигареты неподвижно стояла на другой стороне переулка и, казалось, неотступно следила за мной. Мы стояли друг против друга. Я не видел ни лица человека, ни то, во что он был одет. Неподвижная фигура, больше похожая на привидение, нежели на человека, в абсолютно пустынном переулке.

После некоторого раздумья, набравшись храбрости, я сделал шаг вперёд по направлению к загадочному человеку.

– Простите... – начал я, делая ещё один неуверенный шаг и с опаской наблюдая за действиями невидимого незнакомца.

Человек ничего не ответил. Но вдруг он бросил сигарету и быстрыми шагами направился под арку, во двор рядом стоящего дома. Прошло несколько секунд, и он исчез в темноте окончательно. Я остался в пустынном переулке совершенно

один. Я оглянулся. До Садового кольца оставалось совсем немного. Надо было просто развернуться и пройти ещё метров пятьдесят, чтобы попасть в оживлённое место. Во мне боролись любопытство и почти детское чувство страха, тёмным глазом провала арки смотревшего на меня. Я решился. Сначала медленно, потом быстрее и быстрее, и вот я уже скрылся в темноте перехода, вынырнув с другой стороны в маленьком, хорошо освещённом дворе, зажатом со всех сторон старыми домами. Никого не было. Было абсолютно тихо и пустынно, только иногда долетал приглушённый и искажённый колодцем двора шум близкой магистрали. Я ещё раз осмотрелся. Чёрный человек исчез. «Наверное, вошёл в дом, – подумал я. – Просто он живёт здесь, – успокаивал себя я, борясь с беспричинным страхом перед одинокой фигурой в пустынном месте. – Вышел вечером покурить на свежем воздухе, покурил и пошёл домой».

Я развернулся и через минуту уже стоял на Садовом кольце.

Глава 6

Ночью мне опять снилась эта странная улыбка без лица. Она неотступно преследовала меня, превращая любой мой сон в своё немое торжество. Торжество странного, навязчивого, бессмысленного образа, тотальность и настойчивость которого настораживали. Если в первый раз этот феномен Чеширского кота скорее поразил меня, то теперь он начал пугать, и этот страх стал приобретать характер опасного наваждения. Проснувшись ночью, после очередного появления загадочной улыбки, я долго лежал и смотрел в тёмную пустоту. Больше всего меня настораживало чувство абсолютной реальности существования этой загадочной улыбки и то, что я никак не мог понять, чему можно так улыбаться. Мне казалось, что улыбка, это странное порождение сна, преследует меня и в реальной жизни. Я чувствовал какую-то непонятную мистическую связь между наваждениями моего сна и тем неподвижным человеком из переулка. Кто был этот человек и что могло связывать его с бесконтрольным буйством моей ночной фантазии? Я осознавал только одно – беспокойство, охватывающее меня при виде неподвижной фигуры в переулке, было сродни тому беспокойству во сне, которое сопровождало каждое появление непонятной улыбки. Только этим они были похожи и только мною, моими чувствами, моим воображением они были связаны в пред-

чувствие предопределённости, неизвестной пока мне предопределённости... Что за ерунда? Я решительно повернулся на бок и закутался в одеяло, свернувшись под ним калачиком. Надо было уснуть, отбросив все ненужные и болезненные представления. И я это сделал, досчитав до ста пятидесяти шести.

Меня разбудил и заставил вылезти из кровати громкий и продолжительный звонок домашнего телефона. Это был Верхов.

– Слушай, я тебе пытался дозвониться вчера вечером. У меня сногсшибательная новость!.. – опережая Верхову, начал было я, желая сразу же рассказать ему о вновь открывшихся неожиданных обстоятельствах близкого родства Карины и таинственного Полуянова.

– Андреев умер, – оборвал меня Сергей.

– Как умер? – обескураженно спросил я.

– Сердечный приступ. Вчера вечером...

– И как мы теперь? – растерянно пробормотал я, наконец осознав страшную новость.

– Надо встретиться. Кубарев хочет срочно нас видеть. Так что в одиннадцать у него.

Когда я появился в телецентре, Верхов был уже там. Он сидел в кабинете у Кубарева. Продюсер, развалившись в своём большом кресле, машинально крутил в руках брелок с ключами и молчал. Получив от Сергея известие о смерти Андреева, казалось, он весь ушёл в себя, как будто пытаясь оце-

нить то, что произошло. Наконец он очнулся и как-то виновато посмотрел на нас.

– Как всё печально сложилось, – сказал он, положив брелок с ключами на стол. – Очень жаль вашего Андреева. Академик, учёный с мировым именем... Сколько ему было лет?

– Восемьдесят три, – сказал Сергей.

– Да, возраст почтенный. В таком возрасте всё возможно.

– Он всегда был такой бодрый, активный. Я и не знал, что у него проблемы с сердцем, – пробормотал Сергей.

– В его возрасте у всех проблемы с сердцем. Что поделать, такова жизнь.

– Андреев активно работал над проектом и очень сильно нам помог.

– Ну да, ну да, – понимающе кивнул Кубарев.

– Многими интересными идеями мы обязаны ему.

Кубарев опять кивнул.

– Смерть Андреева – это очень серьёзная утрата для всех, кто его знал. Но, думаю, мы справимся с проектом. У нас есть прекрасный материал, через день-два мы предоставим наброски сценария, – продолжил Сергей.

Кубарев оглядел нас:

– Я подумал... – Он сделал многозначительную паузу. – Мне кажется, стоит кардинально пересмотреть тематику нашего проекта. Смерть Андреева, безусловно, тяжёлая утрата для всех нас. Но это печальное обстоятельство тут ни при чём... Я считаю, необходимо изменить саму тему. Передача

про крестоносное воинство, боюсь, не будет интересна современному телезрителю. Слишком это было давно и далеко от нас... Чем может привлечь рядового российского обывателя история ордена, про который он и слышать не слышал, ведать не ведал. Не наше это, не близко оно нам... Вот если бы взять сюжет из отечественной истории или исторического времени, более близкого нам, – тогда совсем другой вопрос... Вы меня понимаете?

Что нам было ответить? Мы сидели, уныло понутив голову, и слушали, как Кубарев убеждал нас в бесперспективности темы, которую он всего несколько дней назад так страстно защищал.

– Я высоко ценю проделанную вами работу, – вещал Кубарев. – Вы талантливые ребята, и я глубоко верю в ваш потенциал. Именно поэтому я предлагаю вам самим выбрать новую тему нашего проекта и подготовить её для обсуждения.

На этом разговор наш был окончен. Кубарев, торопясь, ласково с нами попрощался и мягко выпроводил. Молча мы вышли из здания, и только на улице Сергей зло и печально выдавил:

– Бобик сдох.

– Не переживай. Несмотря ни на что, он предложил нам сотрудничество, – попытался я его успокоить.

– Ты что, не понял?! – взорвался Сергей. – Он нас больше не ждёт, мы ему не нужны. Он просто вежливо указал нам

на дверь. Это всё, ты понимаешь?

Я пожал плечами. Я это понимал. Понимал и то, что завтра я вернусь к своей диссертации и через несколько дней – к своей работе, а Сергей сейчас терял шанс, хороший шанс изменить свою судьбу. Конечно, я всё это понимал.

– Пойдём, выпьем, – обречённо бросил Сергей.

Мы зашли в ближайшее кафе с открытой верандой. Сергей сразу заказал себе сто грамм водки, я же ограничился пивом.

– Помянем академика. Хороший был мужик, хоть и зануда, – сказал Сергей и опрокинул первые пятьдесят грамм. – Скажи, неужели его смерть так сильно изменила позицию Кубарева?

– Я не уверен, но мне кажется, что это было для него не главным, – ответил я.

– Значит, не один я так думаю. – Сергей услышал от меня то, что хотел. – Тогда почему? Ты умный человек, объясни мне, почему человек так быстро меняет своё мнение? Что могло измениться за столь короткий период времени?

На мгновение я задумался, пытаюсь оценить, стоит ли говорить о моих догадках или нет. Ведь это просто мои домыслы, мои впечатления, моё мнение. И не более того. Что я должен был сказать другу? Я сказал то, что думал:

– Ему кто-то посоветовал отказаться от этого проекта.

– Вот! – воскликнул Сергей и уговорил вторые пятьдесят грамм. – И остаётся главный вопрос. Кто это сделал? Кто тот

человек, к мнению которого Кубарев прислушался и закрыл тамплиеров?

– Слушай, это всё наши домыслы, – запротестовал я. – Не сгущай краски... Нам просто не повезло... Давай я лучше расскажу тебе одну вещь, которая обнаружилась вчера вечером.

Я сделал паузу, чтобы ещё больше заинтриговать друга. Сергей уже слегка осоловевшим взглядом участливо наблюдал за мной.

– Карина – дочь Полуянова! – радостно выпалил я.

Я думал, что эта новость будет громом среди ясного неба, и поражённый этим громом Верхов ещё долго будет спрашивать меня, забыв свои обиды и огорчения, неужели это действительно так. Но Сергей лишь улыбнулся:

– Ты только вчера узнал об этом?

Я на мгновение окаменел, пытаюсь осознать то, что сказал этот лохматый тип напротив.

– Ты знал об этом? – только и выдавил я из себя в изумлении.

– Конечно, да, – ответил Сергей, глазами ища официанта. – Не забывай, что Света и Карина – сёстры, хоть и троюродные.

– Но... но почему? – вырвалось у меня.

– Почему я раньше об этом не сказал? – Сергей посмотрел на меня. – Я не хотел об этом говорить раньше времени. На то были свои причины. Но сейчас я могу тебе многое

рассказать.

Внимательный официант принёс раскрасневшемуся Верхову ещё сто грамм водки.

– Я тебе должен признаться, – начал он неуверенно, поглядывая на меня и мысленно оценивая полезность и необходимость намечаемого признания. – Я уже давно знаком с Кариной...

Я весь напрягся, ожидая услышать от своего друга страшные слова.

– Нет, не подумай что, – видя, как я внутренне сжался, сразу же попытался успокоить меня Сергей. – Между нами, естественно, ничего не было... Я дружил с её троюродной сестрой Светой. И так получалось, что в самых разных компаниях мы часто встречались и общались. Я знал печальную историю её отца, знал, что он загадочно исчез. Но об этом мне рассказала Света. Сама Карина никогда не говорила на эту тему. Она до сих пор очень болезненно воспринимает эту давнюю историю, искренне надеясь рано или поздно увидеть своего отца. Ведь он бросил семью, когда ей был всего один годик, двадцать лет назад. Со временем отец для неё превратился в легенду, его жизнь стала мифом, а интерес к нему стал трансформироваться в интерес к тому, чем он занимался до своего исчезновения. Карина всерьёз интересовалась историей ордена Храма... Короче говоря, это она предложила сделать телевизионную передачу о тамплиерах!

– Карина знала о твоём знакомстве с Кубаревым?! – удив-

лённо воскликнул я.

Сергей виновато потупил глаза и смущённо проговорил:

– Она нас и познакомила...

Это был шок. Я откинулся на спинку пластикового стула и смотрел на друга застывшим в недоверии взглядом. Это был удар, удар, от которого трудно сразу прийти в себя. Голубоглазая брюнетка Карина, её мифический отец Полуянов, академик Андреев, продюсер Кубарев, а в качестве фона – красные восьмиконечные кресты и пегое знамя ордена Храма, давно канувшего в Лету... Причудливая история с непонятным сюжетом.

– Почему ты мне раньше всё это не рассказал?! – вскричал я.

Досада и недоверие клокотали в моём голосе. Сергей пытался оправдаться:

– Не знаю уж почему, но Карина не хотела, чтобы ты знал о том, что она была инициатором всего этого проекта. А потом, Андреев... Ты представляешь, что было бы, если он вдруг узнал, что дочь Полуянова, того самого молодого учёного, который так сильно насолил ему, имеет отношение к нашему проекту? Мне сложно было бы спрогнозировать его реакцию... Но сейчас всё в прошлом. Андреев умер, проект закрыт... А мне надо подумать о том, как я буду объяснять длительное отсутствие редактору своей газетёнки.

– Так почему проект закрыт? – встрепенулся я. – Кому нужно было его закрыть?

Повисла странная пауза. Сергей молча допил свою стопку водки, закусив её так кстати появившимся на столе солёным огурцом.

– Не знаю, дружище, – пробормотал он загадочно. – Не знаю, что тут происходит, но всё это мне не нравится... Я чувствую что-то странное, Руслан, и продолжение этого представления мне уже не интересно. Для меня занавес закрылся...

Сергей посмотрел на часы и не спеша поднялся из-за стола.

– Поеду домой, надо поспать, а потом в редакцию – буду каяться. Пожелай мне удачи...

Верхов махнул привычно рукой на прощание и направился к выходу.

Когда Сергей ушёл, я ещё некоторое время сидел на веранде, бесцельно разглядывая проезжавшие мимо автомобили. Сказать, что я был удивлён признаниями Сергея, значит было ничего не сказать. Я не мог отделаться от мысли, что история, в которую были вовлечены я и Карина, была необычайно запутана, представляя из себя клубок необычных и непонятных связей. Я видел искреннее разочарование в глазах Сергея, я верил ему и знал, что он говорил правду. Но всю ли? Почему Карина заинтересовалась орденом Храма? Желание дочери узнать, чем жил её отец? Но при чём здесь Верхов и телевидение? Откуда Карина знает Кубарева? Почему так долго Карина при помощи Сергея скрывала от меня

то, что она дочь Полуянова, и то, что она всерьёз интересуется историей тамплиеров? И в конце концов, что заставило или кто заставил Кубарева так резко изменить своё мнение о проекте? На эти вопросы могла ответить только она, моя Карина. Я набрал номер её мобильного телефона.

Мы встретились в сквере около университета. Карина поцеловала меня и села рядом на скамейке.

– Я скучала, – тихо сказала она, нежно прижавшись ко мне.

Я обнял Карину, и несколько минут мы сидели молча. Наконец я нарушил это тягостное для меня молчание:

– За последние сутки произошло так много событий, и я так много узнал. Я даже не знаю, с чего начать...

– Начни с главного, – не поднимая головы с моего плеча, сказала Карина.

– Умер академик Андреев.

Карина подняла голову и удивлённо взглянула на меня.

– Тот самый Андреев?!

– Да, тот самый. У него было слабое сердце... Но это ещё не всё. Наш проект, о котором я тебе говорил раньше, теперь закрыт. Телевизионный продюсер, который хотел его осуществить, изменил своё мнение. Теперь орден Храма телевидению не нужен.

– Но почему? – вырвалось у Карины.

– Я думал, ты можешь мне это объяснить. – Я пристально

посмотрел на Карину, пытаясь оценить её реакцию. – Ведь Кубарев – это твой знакомый.

Карина молча отвела глаза в сторону. Наступила неуютная пауза.

– Сегодня я говорил с Сергеем. Он мне всё рассказал, – продолжил я. – Он рассказал о том, что давно знал, что ты дочь Полуянова, что это ты придумала проект телевизионной передачи об ордене Храма и что это ты познакомила его с Кубаревым... И теперь я хочу задать тебе всего два вопроса. Почему вы от меня всё это скрывали? И кто закрыл проект?

Карина виновато улыбнулась, автоматическим движением руки поправила волосы и посмотрела мне в глаза:

– Руслан, прости меня, я не хотела тебя обидеть ... Я просто боялась. Боялась за тебя, за нас... Всё это так внезапно произошло. И эта идея с орденом Храма... Я совсем не ожидала, что ты станешь участником проекта... Всё началось, когда Кубарев, знакомый моего отца, будучи у нас, сказал, что было бы интересно создать на телевидении цикл передач о тайных страницах истории. Я предложила ему тему тамплиеров. Он ею очень заинтересовался. Среди знакомых историков у меня тогда был только Сергей, который с радостью ухватился за эту возможность заняться чем-то новым и перспективным. В итоге я их познакомила друг с другом.

– Но почему же из всего этого надо было устраивать тайну?! – воскликнул я.

– Мне казалось... – сдирая ногтем краску на скамейке и смотря куда-то в сторону, пыталась оправдываться Карина. – Я думала... что ты узнаешь, расстроишься и бросишь меня.

Эти по-детски наивные слова, это печальное личико как будто пробили возникшую было стену непонимания между нами. Небесно-голубые глаза Карины заблестели, и маленькая слезинка, оставляя мокрый след, медленно скатилась по её щеке. Мои сомнения и обида куда-то улетучились. Я крепко прижал Карину к себе, заключив её в объятия.

– Глупышка, – приговаривал я, а сам улыбался. – Господи, какая ж ты глупышка...

– Прости меня, Руся, – тихо всхлипывая, говорила Карина. – Это, наверное, так глупо и наивно... Но я боялась, я действительно боялась за тебя, за нас... Потому и просила Сергея не говорить об этом.

– Господи, что же это могло изменить?!

– Я боялась, ты считаешь, что я нечестна с тобой, что я тебя обманываю.

– Нет, это не так, это совсем не так, – сказал я, пытаюсь успокоить Карину. – Ты для меня очень важна, и я тебя люблю.

Мы сидели на скамейке, прижавшись друг к другу, и молчали. Я забыл своё раздражение и обиду, я был обезоружен. Но вопрос о тамплиерах и реакция Кубарева никак не лезли у меня из головы.

– Ты серьёзно интересуешься историей ордена Храма? –

спросил я Карину.

– Да, – ответила она.

– И это связано с твоим отцом?

– Мне сложно сказать... Наверное, да... – Карина тяжело вздохнула. – Ведь я его не помню. Он исчез, когда мне был всего годик. Мама ждала его, долго ждала, ей было очень трудно, но она любила отца и верила, что тот рано или поздно вернётся. Но проходили годы, а о нём так ничего и не было известно. Многие считали и считают, что он умер. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, мама вышла замуж за Станкевича, и у меня появился отчим. Он действительно очень трогательно и трепетно относился к маме, она осталась для него идеалом женщины. Её смерть он очень сильно переживал, винил в этом себя. Он и сейчас не может спокойно об этом говорить. Но что он мог сделать?.. Её болезнь не оставила им шансов быть вместе. Уже в последний день своей жизни, умирая, мама вспомнила об отце. Она сказала мне: «Он должен вернуться, я в этом уверена. И когда он вернётся, он придёт к тебе. Не обвиняй его ни в чём, выслушай и пойми. Ты должна решить всё сама». Это были, практически, её последние слова. После этого я решила узнать об отце больше. Но мало кто мог что-то внятное рассказать о том, что он был за человек, что представлял из себя, чем занимался, о чём мечтал... Даже фотографий отца сохранились единицы. Только его мама, моя бабушка, старая одинокая женщина, могла часами рассказывать о том, какой он был,

мой отец, больше вспоминая его детские годы... У отца была одна непонятная страсть – история тамплиеров. Для него история ордена Храма была некой идеей фикс. Он и на исторический факультет поступил только потому, что хотел посвятить себя изучению истории храмовников. По крайней мере, так говорила его мать, моя бабушка. Чтобы понять, что интересовало отца, я сама решила почитать о судьбе храмовников. Так и получилось, что отец завещал своей дочери этот странный исторический интерес.

– Ты думаешь, что он жив?

– Я в это верю, – подумав, ответила Карина, – и иногда чувствую...

– Чувствуешь?! – удивился я.

– Мне трудно это объяснить... Просто иногда я чувствую, что он где-то рядом и думает обо мне...

Уверенность, с которой говорила Карина, не вызывала никаких сомнений. День откровений продолжался. У меня складывалось странное впечатление вовлечённости в непонятный процесс, причину и цель которого я не понимал и пока не мог понять. Нагромождение случайностей и внезапных открытий должно было таить в себе определённый смысл и некое продолжение. Но в чём они состоят и стоит ли ожидать ещё чего-то? Непонятная мистическая фигура Полуянова тенью маячила на заднем плане всех последних событий. Кто он, и существует ли он вообще?

Я взглянул на взволнованное лицо Карины.

– А Кубарев? Что он из себя представляет? Что могло так сильно изменить его отношение к проекту? – спросил я.

Карина неуверенно пожала плечами:

– С Кубаревым я познакомилась через отчима. Мой отчим, кажется, с ним учился в университете. Они старые приятели и давно общаются. Иногда он приходит к нам в гости. Отчим к нему очень уважительно относится, считая его умным и влиятельным человеком. Я не знаю, почему он решил закрыть тему. Может, он... испугался?

– Испугался? Ты сказала, испугался? Но чего... или кого?

– Не знаю... – Карина виновато поглядела на меня.

– Твой отчим считает, что исчезновение твоего отца связано со спецслужбами.

Карина промолчала, взяла мою ладонь в свои руки и теснее прижалась ко мне.

– Твой отчим что-то знает? – спросил я.

– Нет. Просто ему так легче. Всё это в прошлом. А нам надо жить будущим.

Карина посмотрела мне в глаза. В обезоруживающем взгляде её светлых голубых глаз была спрятана усталость, полное доверие и немая просьба – отложить этот болезненный и бессмысленный разговор о том, что мы не можем знать и вряд ли уже узнаем наверняка. Я должен был подчиниться этому взгляду. Я не мог этого не сделать, потому что слишком дорожил доверием Карины.

Карине надо было идти. Она не хотела пропустить послед-

нюю консультацию перед завтрашним экзаменом. Я остался один и долго бродил по скверу, стараясь без эмоций разобраться в своих мыслях и том, что происходило вокруг меня.

Я хотел восстановить в памяти всё, что произошло со мной в последнее время. Всё началось в тот день, когда Верхов привёз меня к своей бывшей подружке Свете Тороповой. Именно там я познакомился с Кариной. Практически в то же время у Карины возникла идея телевизионной передачи о тамплиерах, которую она удачно подкинула Верхову, мало того, познакомила его с Кубаревым, который решился осуществить проект. Верхов просит помочь ему с проектом, я соглашаюсь. Ракицкий советует обратить внимание на одну из книг профессора Андреева, признанного специалиста у нас в стране по этой теме, и оказывается, что автором этой книги на самом деле является отец Карины. Отчим Карины, рассказывая о странном исчезновении её отца, заявляет о том, что отец её был связан со спецслужбами. Внезапно умирает профессор Андреев. Кубарев отказывается продолжить работу над проектом. Вот она, цепь событий.

Было ли случайностью наше знакомство с Кариной или Верхов специально устроил нашу встречу? Сергей знал об историке Полуянове, знал о его странной судьбе, знал, что Карина – дочь Полуянова. Он всё это знал, но молчал. И если он специально пытался нас познакомить, – а именно к этому варианту я мысленно склонялся – то какую цель он преследовал?

Я остановился. Внезапно меня осенило, что Сергей тут, скорее всего, был ни при чём. Это была Карина. Карина знала обо мне и через Верхову хотела познакомиться... Эта мысль мне отчасти польстила, отчасти привела в недоумение. Почему именно я заинтересовал Карину? Действительно, женский ум намного искуснее, хитрее и изощреннее мужского, улыбаясь про себя, подумал я, вспоминая по-детски доверчивый взгляд светло-голубых глаз.

Оставалось совсем непонятным самое главное, то, с чем так или иначе было связано всё, что происходило в последнее время. Я вспомнил о Полуянове и его любимых тамплиерах. Простое человеческое любопытство и профессиональный интерес не давали мне спокойно забыть об этом, и я твёрдо решил разузнать как можно больше о загадочной судьбе отца Карины.

Глава 7

Ближе к вечеру позвонил усталый и растерянный Сергей. У него было совсем подавленное настроение. И хотя редактор его газеты простил ему длительное беспричинное отсутствие – Сергею удалось убедить его в том, что был болен, – долгий, напряжённый разговор с ним оставил тяжёлое впечатление. Сергей был немногословен, ему хотелось отвлечься от неприятных мыслей и потусоваться в каком-нибудь весёлом месте. У меня же оставался к нему один вопрос, ответ на который я хотел получить. Я твёрдо решил выбить из него признание, что не только в проекте о тамплиерах, но и в нашем с Кариной знакомстве он стал послушным орудием женских капризов. Мы договорились встретиться в «Бочке» на Третьяковке. В конце разговора Сергей немного замялся, помолчал, а потом промолвил загадочно: «Наша тема должна получить развитие». Я сразу понял, что речь идёт о тамплиерах, но не стал уточнять, что именно Сергей имеет в виду.

В восемь вечера я был в клубе. В «Бочке» было многолюдно, царил сумбур и толчея. На сцене шумела какая-то новомодная, широко не известная, но хорошо знакомая в узких кругах, группа. После обязательной барной стойки я нашёл свободное местечко подальше от танцующего народа. Я огляделся, пытаюсь найти знакомую косматую гриву Сер-

гея, хотя прекрасно знал, что он, по обыкновению, должен опоздать. Нетанцующий клубный народ, расположившийся за небольшими столикам, мирно тянул пиво и коктейли, курил сигареты, некоторые пытались общаться, но в общей клубной какофонии им это удавалось с явным трудом. Народ был разный. Милые студентки, пришедшие потанцевать и потусоваться. Самостоятельные девушки, организовывающие свой досуг. Трезвые охотники за девичьей благосклонностью. Пьяные менеджеры солидных компаний, пытающиеся расслабиться после напряженного рабочего дня. Клубные завсегдатаи без определённого рода занятий. И масса других нетипичных персонажей, не попадающих под простую классификацию. К числу последних относил себя и я. Я слабо представлял себе цель своего пребывания в клубных заведениях. В этих котлах ночной жизни мегаполиса я любил наблюдать за окружающими меня людьми, которые в своем вечернем перерождении показывали иные, в отличие от дневной жизни, грани и краски своего существования.

Вот и сейчас, ожидая появления Сергея, я решил изучить окружающих меня посетителей клуба. Справа от меня сидели девушка и парень, вероятно, студенты, которые с жаром что-то пытались рассказать друг другу, перекричав мощные децибелы громкой музыки. Слева, за соседним столом, расположился небольшого роста крепыш в футболке, цепи и с барсеткой. Он, мрачно уставившись в сторону танцпола, пил апельсиновый сок и чувствовал себе явно не совсем уютно.

Оглядываясь кругом, я неожиданно столкнулся взглядом с человеком, который также не без интереса разглядывал меня самого. Одинокó сидящий за дальним столиком мужчина тяжело и пристально смотрел на меня, не отводя своих глаз ни на мгновение. Я сразу обратил внимание на сосредоточенный, любопытствующий взгляд этого человека и его неподвижные зелёные глаза, которые в неяркóм и мигающем свете клуба приобретали странный блеск, напоминая в своей оцепеневшей выразительности и глубине цвета кошачьи глаза. Мужчина лет сорока в хорошем летнем костюме и белоснежной рубашке явно не входил в число постоянных посетителей ночных клубов. По внешнему виду он скорее был похож на иностранца. Тёмно-русые волосы, яркие зелёные глаза в сочетании с тонкими чертами лица придавали его облику нечто особенное, неуловимо-загадочное,стораживающее. Это необычное лицо незнакомца одновременно притягивало и отталкивало своей сосредоточенной восковой неподвижностью. Увидев, что я заметил его, незнакомец широко улыбнулся, показав ряд белых зубов, и отвёл свой странный взгляд.

Верхова всё не было, и я решил выпить ещё. Я отправился к барной стойке, которая находилась в другом, более спокойном зале, где музыка была уже не так ощутимо близка моим перепонкам, и заказал себе водки – настроение требовало повысить градус.

Вдруг рубиновая капля упала в мою рюмку, тонкими клу-

блещущими, мгновенно исчезающими ниточками разрезала прозрачную жидкость и растворилась, окрасив водку в слабый мутно-красный цвет. Я поднял голову. Рядом со мной стоял тот самый незнакомец, который только что с интересом разглядывал меня.

– Извините, ради бога. Это гранатовый сок.

Я отодвинул рюмку. Незнакомец тут же заказал мне ещё одну. Мне показалось, он участливо улыбнулся, не сводя с меня своих внимательных кошачьих глаз.

– Извините, моя неловкость... – Незнакомец виновато и смущённо пожал плечами.

– Ничего страшного, – пробормотал я, надеясь, что незнакомец тотчас исчезнет, посчитав инцидент исчерпанным. Но последнего не произошло. Незнакомец присел рядом со мной и аккуратно поставил на барную стойку стакан с гранатовым соком.

– Презабавное местечко, – сказал он и заинтересованно посмотрел на меня, пытаясь вызвать на разговор.

Я молча проигнорировал его замечание, ситуация начинала меня раздражать. «Почему этот тип пристал ко мне? Неужели я похож на голубого?» – пронеслось в моей голове.

– А я вас, кажется, уже встречал, молодой человек, – вдруг сказал незнакомец.

Я удивлённо посмотрел на него.

– Нет, нет, мы лично не знакомы, не пытайтесь меня вспомнить. Просто я вас видел вместе с Кубаревым.

– И что? – зло и недоумённо бросил я.

– Нет, ничего... Меня зовут Померанцев Сергей Александрович, я работаю в Институте всеобщей истории Российской академии наук и являюсь консультантом на телевидении. Мы договорились сегодня встретиться с Сергеем Верховым и обсудить наш, то есть, простите, ваш проект с тамплиерами. Вы, как я понимаю, работаете с Сергеем?

– Да, – ответил я, недоверчиво поглядывая на собеседника.

– Что ж, будем знакомы. – Померанцев улыбнулся и протянул мне руку.

– Руслан, – представился я, пожимая ладонь незнакомца.

– А Сергея ещё нет? – спросил Померанцев озабоченно.

– Пока нет. – Я попытался набрать номер мобильного Верховова, но тот был выключен.

– А вы, значит, пишете диссертацию по тамплиерам?

– Нет, просто интересуюсь.

– Я в своё время тоже интересовался этим вопросом... Конечно, не самое подходящее место для разговоров на эту тему. – Померанцев усмехнулся, скривив краешки тонких губ, и окинул помещение печальным взглядом.

Я пожал плечами, не скрывая своего удивления неожиданным появлением консультанта по истории в ночном клубе.

– Как мне кажется, – продолжил странный собеседник, – история тамплиеров давно перестала быть единой и под-

тверждённой цепью реальных исторических событий; она представляет собой набор мистических легенд и невероятных версий. Общественное сознание склонно усматривать в любой исторической трагедии тайну, столкновение скрытых от обычного наблюдения интересов. Потому, при отсутствии подтверждённых исторических свидетельств и наличии большого числа сомнительных источников, любая трактовка того или иного исторического факта имеет своё право на существование и, более того, может быть признана истинным вариантом объяснения.

– Тем не менее, истина должна быть одной, – заметил я.

Видя, что я втянулся в разговор, Померанцев, довольный этим, продолжил:

– Наверное, так оно и есть, но когда можно с относительной долей правдоподобности доказать как одно, так и другое, прямо противоположное, кто скажет, что имеет монополию на истину?

– Абсолютной истиной может обладать только Бог, — ответил я.

– В том-то и дело... Руслан, вы верите в Бога? – неожиданно спросил Померанцев.

– В какого? – Странная фраза слетела у меня с уст.

– То-то и оно. В какого... или каких.... – Померанцев равнодушно пожал плечами и выпил гранатового сока. – Но оставим лирику. Я хочу предложить вам ещё одну версию истории тамплиеров. Вы, безусловно, слышали о тех девяти-

рых храбрецах во главе с Гуго де Пейеном, которые отправились на Ближний Восток. Что делали эти девять шампанских рыцарей в Иерусалиме? Почему сам Иерусалимский король уступил им свою резиденцию в бывшем Храме Соломона? И наконец, почему девять долгих лет в круг посвящённых не приняли ни одного нового члена ордена, окутывая деятельность ордена пеленой секретности? Я предложу свой ответ на этот вопрос... Эти девять человек по поручению высших светских и высших духовных властей Европы искали в Храме что-то необыкновенное, чрезвычайно значимое, некую духовную реликвию...

– Неужели Святой Грааль? – с улыбкой недоверия спросил я.

– Абсолютно стандартное предположение, Руслан. Об этом говорят практически все. – Померанцев сделал вид, что не ожидал от меня услышать ничего другого. — Люди хотят обрести успокоение силы в тайне, принимая за неё ложный след набора путаниц и бессмыслиц. Как по кофейной гуще предсказывая судьбу, по вспышкам непонятных нам и не связанных друг с другом фактов, мы хотим нарисовать картину реального и великого, выдавая конструкции нашего беспокойного разума за совершенство недоступных простому взгляду связей. Грааль есть крайне обобщённый символ, который может вобрать в себя множество смыслов. Чаще всего под именем Святого Грааля (San Greal, San Graal) подразумевают чашу, из которой пил Иисус Христос на Тай-

ной вечере и в которую впоследствии Иосиф Аримафейский собрал его кровь. Большинство исследователей кельтской культуры видят в Граале особый образ священной чаши языческой мифологии. Есть и другой вариант трактовки, не связанный с представлением Грааля в виде чаши или кубка. Для многих Святой Грааль переводится как «королевская кровь» (sang real), что должно указывать на тайну принадлежности Христа к царскому еврейскому роду Давида или намёк на особые древние корни династии Меровингов. Но под Граалем также понимают и большой зелёный камень, драгоценный изумруд, который Архангел Михаил выбил из короны Люцифера. Вы видите, что это понятие сколь широкое, столь и бессмысленное в своей широте. Тем не менее оно выполняет важную охранительную функцию. Святой Грааль – это путь в сказку, приятную человеческому воображению. Это путь в туман мистификаций, в поле которых и позволено искать то, что хотят обнаружить.

– Вы хотите сказать, что легенда о Святом Граале – это миф? Но с этим мало кто будет спорить в научных кругах.

– Это не столько миф, сколько запутанный след, который, утверждая наличие тайной истины, ведёт не к ней, а в сторону от неё. Это общий интерес, который надёжно скрывает загадку. Это лес, который прячет волшебное дерево... Человечество не может обойтись без тайны, человеческий разум настроен на поиск сокровытого и таинственного. Всё чрезвычайно просто: если вы хотите всех запутать, подкиньте ин-

тересующимся вопросы, на которые не может быть определённых ответов, — появятся загадки, теории, версии, мистификации. Остальное за вас сделает пылкое воображение и неиссякаемое любопытство человечества. Пелена тайны надёжно и надолго прикроет истину. Выдумки отлично маскируют её, и уже очень сложно будет в ворохе объяснений найти то единственно верное, что раскроет нам правду. И пока человечество дружно будет идти по пути недоказуемости, истина спокойно существует рядом — неузнанная, неоткрытая, неразличимая, потаённая, спящая. Я уверен, чтобы нащупать тайну, надо искать не тайный разумный смысл, а необъяснимую глупость. Истина маскируется не напыщенностью и величием, а шутовством. Улыбка прячет правду.

— Не пойму, на что вы намекаете, — прервал я Померанцева. — Что есть история ордена Храма?

— Это история ряженных.

— Не понимаю. — Я нахмурился.

— Видите ли, в истории тамплиеров можно найти огромное поле разных смыслов, великое множество ниточек, ведущих нас в тупик. И только одна ниточка из этого множества оканчивается не обрывом, а узелком истины.

— Интересная трактовка, — усмехнувшись, сказал я. — Но если реликвия, которую хотели обнаружить тамплиеры на Ближнем Востоке, не Святой Грааль или, скажем... не совсем Святой Грааль, то что же тогда они пытались найти? Ведь они всё-таки что-то искали?

– Да, искали. И я хочу предложить свой вариант понимания того, что же могло стать реликвией... Видите ли, Руслан, то нечто, которое искали тамплиеры, по моему мнению, не могло быть явной христианской реликвией. И на то у меня есть свои аргументы. Во-первых, сложно предположить, что в мечети Аль-Акса можно было найти спрятанную христианскую святыню – будь то растиражированный образ христианской тайны Святой Грааль, копьё центуриона Лонгина, плащаница или что-то иное. Вряд ли настоящий христианин решился бы сохранить реликвию в таком популярном месте чуждого ему культа. Во-вторых, экспедиция, будь то экспедиция за христианской реликвией, не была бы так сильно окружена строжайшей тайной, как миссия тамплиеров. В те времена, времена особого религиозного экстаза, церковь всегда пыталась использовать любые христианские символы для укрепления своего авторитета и духа крестоносного воинства – вспомним историю Животворящего Креста, хранителем которого одно время, заметим, был тоже орден тамплиеров. Я сильно сомневаюсь в том, что католические отцы могли упустить реальную возможность сыграть на настроениях масс. По-видимому, то, что искали пилигримы, мало походило на христианскую святыню. Своей закрытостью, своими тайнами и своей показной бедностью тамплиеры в первые годы существования своей организации вызывали у жителей Иерусалима вполне закономерное подозрение. Итак, то, что искали тамплиеры, не было христианской

реликвией. Тогда что можно было искать в бывшем Храме Соломона?

Я прервал Померанцева:

– Но в двенадцатом веке в Иерусалиме уже давно не было никакого Храма Соломона, а на его месте стояло совсем другое здание. Храм Соломона был разрушен Навуходоносором II ещё в 587 году до нашей эры, второй, построенный на его месте, был уничтожен римлянами. И о тех временах сейчас нам напоминает только осколок стены второго храма, ставший знаменитой Стеной Плача.

– Вы хорошо владеете историческим материалом, Руслан. Да, действительно, к моменту начала крестовых походов Храм Соломона уже давно не существовал. Но в те времена ещё оставались его подвалы и подземелье. Об этом сохранились свидетельства самих рыцарей. Кто знает, может быть, именно в этом подземелье и была спрятана та вещь, которую на протяжении девяти лет искало братство Бедных рыцарей.

– Хорошо. И что же это могло быть? – нетерпеливо спросил я. – Что искали девять «бедных рыцарей» девять лет в подземельях мечети Аль-Акса?

После непродолжительной паузы Померанцев сказал то, что я совсем не ожидал услышать:

– Они искали ответ на вопрос, что есть зло и что есть добро... Они хотели понять, как согласованы и сочетаются свет и тьма, и самое главное – есть ли действительно подобное разделение.

Наверное, Померанцев прочитал на моём лице искреннее изумление, потому что он сразу попытался объяснить сказанное:

– Вы, безусловно, слышали о дуалистических теориях мироздания?

– В общем, да, — неуверенно сказал я, сразу попытавшись уточнить: — Вы имеете в виду манихеев, гностиков и им подобных?

– Не только, но в целом вы абсолютно правильно отметили именно эти религиозные концепции. Основная идея подобного мировоззрения – признание существования двух начал в мире, доброго и злого. Причём обе сущности имеют божественную природу и равно могущественны. Только этим, по мнению дуалистов, можно объяснить существование зла на Земле, только этим объясняется слабость добра перед распространяющимся на Земле злом. И, именно поэтому противостояние светлых и тёмных сил практически вечно и лежит в основе мироздания. Правда, оптимистичные теории предполагают, что это противостояние должно окончиться, и добро с необходимостью одержит победу над злом, но будет это не сейчас, не скоро и только тогда, когда человечество объединится с добром в своём стремлении одержать над злом верх. Итак, согласно религиозным идеям дуалистов, противостояние добра и зла есть основной вопрос человеческого существования, вопрос вечной борьбы духа и материи.

– Вы считаете, тамплиеры были тайными дуалистами?

В средневековой христианской Европе это было небезопасным увлечением. Вспомним дуалистические секты болгарских богомилов, итальянских патаренов и французских катаров. Их конец был печален.

– Вопрос веры тамплиеров – чрезвычайно сложный вопрос. Я абсолютно уверен, что она за годы существования ордена претерпела очень серьёзную эволюцию. Но тем не менее дуалистические мотивы в мировоззрении тамплиеров всегда были очень сильны. Вспомним ту странную потаённую двойственность, которая присутствует во всех символах ордена – знамя, разделённое на чёрный и белый цвет, или герб – два всадника на одном коне; даже кончик алого тамплиерского креста раздвоен. Везде и во всём два смысла, два начала, два толкования, две жизни. Даже известная и труднообъяснимая надпись на форзаце общего Устава ордена Храма звучит двояко – «Memento Finis». Её можно перевести с латыни и как «Думай о своём конце», и как «Думай о своей цели».

То же самое можно сказать об оценке деятельности ордена. Его история представляет собой набор самых противоречивых фактов. Примеры поразительной честности, героического бескорыстия и верности идеалам соседствуют в ней с подтверждениями беспримерной жестокости, жадности и коварства рыцарей Храма. Создаётся впечатление, что у ордена было два лица, два образа, прямо противоположных друг другу. Именно поэтому потомки, создавая своё ви-

дение ордена, с такой лёгкостью впадают в крайности оценки их роли в истории. Для одних тамплиеры – это сообщество кровожадных и сребролюбивых сектантов, для других – героический рыцарский орден христианских подвижников. На самом деле все эти крайности трактовок связаны с особенностями идеологических установок ордена, большинство из которых было достоянием узкого круга избранных внутри самого ордена и дошло до нас в сумбурной и неправдоподобной смеси легенд, мистических предположений и выбитых под пытками признаний.

Кстати, несколько слов о гербе тамплиеров... Согласно господствующей версии два всадника на одной лошади, изображённые на гербе ордена Храма, символизировали бедность и смирение воинов-монахов. Однако существует старая средневековая дуалистическая легенда, объясняющая удивительное изображение герба тамплиеров. Два бедных рыцаря отправились в поход на одном коне. Передний поручил себя Христу, чтобы тот помог ему выйти из битвы невредимым, а второй поручил себя тому, кого считал более сильным, – дьяволу. Он и остался невредимым и глумился позже над своим раненым товарищем, пытаясь совратить его с праведного пути и привлечь к своему лжеучению. Первый рыцарь поддался на уговоры второго рыцаря и разделил его тайную веру в дьявола. И после этого орден Храма стал богатым и обрёл славу непобедимого.

– У ордена существовала тайная параллельная структура?

Вы это хотите сказать?

— Я более чем уверен, что внутри организации тамплиеров существовал особый круг посвящённых, который и осуществлял контроль за деятельностью ордена Храма. Особенно это стало заметно после того, как тамплиеры перенесли свою штаб-квартиру с Кипра во Францию. По многим косвенным признакам последний Великий Магистр Жак де Моле не был реальным и полновластным руководителем ордена. Это был мужественный и честный человек, настоящий рыцарь, но на роль лидера могущественной организации явно не подходил. Да что там говорить! Сам факт того, что он не знал грамоты, многое объясняет. Скорее всего, последний Великий Магистр был специально поставлен на этот пост и выполнял роль послушной марионетки в чужих руках. Вопрос — в чьих?.. Впрочем, — Померанцев манерно взмахнул рукой, — я хотел бы остановиться на этой теме чуть позже... Вернёмся к вопросу о том, что же первые тамплиеры искали на Ближнем Востоке и, что не менее интересно, для кого.

— Вы говорите об инициаторе этой экспедиции?

— Именно, — ответил Померанцев. — Даже, скорее всего, об инициаторах.

— Подозреваю, вы имеете в виду Гуго Шампанского, вассалами которого и были первые храмовники.

— Не только и не столько. В первую очередь я хотел бы вспомнить имя великого интеллектуала той эпохи — Бернара Клервоского. Именно этот человек подготовил мировоззрен-

ческую платформу ордена Храма, представив «новое рыцарство» средневековому католическому обществу. По легенде, он подготовил Устав новой организации рыцарей-монахов и взял на себя задачу оправдания появления монашеского братства, которое не словом, но мечом должно было утвердить авторитет католической церкви на Святой земле. Благодаря его стараниям тамплиеры были признаны светскими и духовными властями и наделены особыми полномочиями и привилегиями. Общеизвестно, что Бернар Клервоский стал духовным родителем вновь образовавшегося военно-монашеского ордена. Но мало кто знает, что именно он стоял и у истоков ближневосточной экспедиции первых храмовников.

— Но Бернар из Клерво познакомился с орденом Храма много позже, когда тот приобрёл черты реальной организации, — пытался протестовать я.

— Распространённое заблуждение. Первых «бедных рыцарей» он знал давно и очень хорошо, так же как и графа Шампанского. Будучи основателем монастыря в Клерво в 1115 году, на территории Шампани, он не мог не знать хозяина тех земель и его приближённых. Именно Бернару принадлежала идея отправить пилигримов в Иерусалим.

— И этому есть документальные подтверждения? — спросил я с сомнением.

Померанцев улыбнулся.

— Я могу определённо заявить, что для подобных утверждений есть все основания, — уклончиво ответил он и про-

должил: — В любом случае, согласитесь, что моё предположение выглядит логично и очень похоже на правду.

— Предположим, что инициатива тайного крестового похода за неизвестной реликвией принадлежала Бернару Клервоскому, — попытался я принять логику рассуждений Померанцева. — Но что это нам даёт?

— Достаточно... Достаточно для того, чтобы сделать вывод о характере той странной вещи, которую искали тамплиеры.

— Вы говорите загадками, — сказал я.

— Я постараюсь кратко объяснить, почему считаю это важным... Бернар Клервоский был известнейшим религиозным мыслителем того времени. В своих наставлениях он рисовал свой образ христианской церкви и её служителя. Часто Бернар в своих письмах непосредственно даже указывал, что должен делать римский папа и, самое интересное, к его мнению прислушивались. Это совсем не значит, что настоятель монастыря в Шампани имел какую-то тайную власть над всем католическим миром, но Бернар из Клерво обладал особым духовным авторитетом, как у церковной, так и у светской власти. Его уже при жизни считали святым, а церковь канонизировала его практически сразу после смерти. Его проповеди подвигли государей Европы организовать второй крестовый поход, его влияние на мир идей западноевропейского средневекового общества было бесспорно. Одной из центральных тем его духовных исканий стал вопрос бескомпромиссной борьбы со злом, с его жизненными и ду-

ховными проявлениями. Именно эту задачу двойкой борьбы против врагов из плоти и духовного зла Бернар и ставил перед тамплиерами.

— «Похвала новому рыцарству»? — вспомнил я одно из известных сочинений Бернара Клервоского.

— Да, вы абсолютно правы, — ответил Померанцев. — Именно в этом произведении Бернар Клервоский и сформулировал свои представления о новом христианском воинстве, которое должно было организовать борьбу со злом как мечом, так и духовным примером стойкой веры. Бернар Клервоский объявлял войну, и целью этой войны было *malicidia* — убиение зла.

— Убиение зла? — переспросил я.

— Именно так. И если против врагов из плоти и крови можно было действовать мечом, то против духа зла необходимо было иметь другое оружие. И это была не просто вера...

— Вы хотите сказать, что таинственная реликвия, обнаруженная тамплиерами в Иерусалиме, и была тем самым оружием против невидимого зла?

— Да, — ничуть не смущаясь, ответил Померанцев. — Храмовники стали обладателями таинственной вещи, которая должна была помочь им в войне против духовного зла.

— Вы шутите?! — не удержался я от восклицания.

— Совсем нет. — Померанцев мягко улыбнулся. — Есть вполне определённые свидетельства того, что данная реликвия действительно существовала и находилась в руках рыца-

рей Храма. А насколько она помогла храмовникам в их святой борьбе, можно судить, опираясь на факты истории ордена Храма.

— Судя по всему, вещица им не помогла, — с усмешкой произнёс я.

— Да, — вполне серьёзно сказал Померанцев. — Они неправильно оценили её силу и предназначение.

Поражаясь мистическому ходу рассуждений Померанцева, я изумлённо посмотрел на него.

— Тамплиеры считали реликвию духовным оружием добра против зла, — продолжил Померанцев. — А на самом деле это была сила подчинения зла. Согласитесь, это всё-таки разные вещи!

Я не нашёл ничего лучшего, как, согласившись, кивнуть утвердительно, хотя ещё с трудом понимал смысл сказанного.

— Будучи рыцарем добра, ты должен держать в руках и доброе оружие — в этом залог непоколебимости и чистоты твоих устремлений. Подчиняя же своей воле зло, хоть и в благих целях, ты принимаешь на себя огромную ответственность, ибо в слабых руках и при слабом духе эта сила, маскируясь добрыми намерениями, становится не слугой, а хозяином твоей воли. Именно поэтому, боясь своей слабости, тамплиеры отказались от активного использования силы реликвии, оставаясь её хранителями, но не повелителями.

— Всё это интересно, правда, к науке не имеет абсо-

лютно никакого отношения, — сказал я, громко хмыкнув, и уговорил наконец свою рюмку водки. — Забавный сюжет для околонуточной мистической литературы. — Моё скептическое отношение к услышанному было непробиваемо, но, казалось, Померанцев совсем не обращал внимания на мои реплики, и потому я спросил: — Так, значит, храмовники никогда не использовали силу реликвии?

— Всего того, что они добились с самого начала своего пути, они добились благодаря своей организации, воле и вере. И искушение, возможно, было очень велико... Уверен, они не раз думали о том, как заставить реликвию работать на себя. Но, полагаю, они всё-таки ограничились ролью её хранителей.

— От кого же они охраняли это мистическое Нечто?

— От тех, кто знал о его существовании и хотел им обладать. Например, от исмаилитов. Вам, очевидно, известно о существовании в те времена обосновавшейся на отрогах Ливанских гор закрытой секты радикальных шиитов под предводительством Старца Горы. Исмаилиты, названные в популярной и научной литературе сектой ассасинов-убийц, были в те времена серьёзной силой, положившей начало в истории практике политических убийств. Они вели особую, отличную от остального мусульманского мира, политику в отношении христиан. В 1172 году Старец Горы отправил Иерусалимскому королю посланников с предложением заключить союз против сарацин. Исмаилиты также собирались

принять христианство. Иерусалимский король с радостью согласился, но на обратном пути посланники попали в засаду к тамплиерам и были полностью уничтожены. О союзе с исмаилитами и переходе их в христианство пришлось забыть навсегда. Почему люди, призванные защищать христианство на Святой земле и распространять его идеи, совершили этот, казалось бы, нелогичный и страшный поступок? Они боялись реальных конкурентов на обладание их реликвией и сделали это, чтобы утвердить над ней свою абсолютную власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.